

Николай Старинщиков

Андроид лёгкого поведения

Любовь правильнее всего сравнить с горячкой: тяжесть и длительность и той и другой нисколько не зависят от нашей воли.

Франсуа Ларошфуко

Глава 1

Однажды в Симбирске, под вечер, в конце сухого жаркого лета, на громадном речном косогоре под гордым названием «Венец», встретились два гражданина. Они поздоровались и пошли в сторону ресторанчика, расположенного среди аллеи, однако в него не вошли, а сели на скамейку под липой. Один из них, давно небритый, косматый и чёрный, был одет в тонкие мятые серые брюки, футболку и плетёные туфли. Этот косматый отзывался на фамилию Петухов и смахивал на лицо без определённых занятий. Другой, сухой и коротко стриженный, был в шортах, кроссовках и тонкой светлой фуражке. Это был Римов.

— Ну и жара, — удивлялся Петухов, глядя с горы на великую реку. — Кажется, так и прыгнул

бы в воду, если бы не проклятые наши дела... — Он огляделся по сторонам. — Итак, что мы конкретно имеем?

— Идём ко дну, — сказал Римов. Он был не кто иной, как начальник местной полиции, назначенный Центром. Петухов же был представителем этого самого Центра, расположенного в Москве.

— Надо решать... — говорил Римов. — Иначе будет поздно. Один я не в состоянии...

— Действительно. Ревизионная комиссия... Ревизуют сидят... Отчёты потом составляют...

— В виде уголовных дел...

— Но это же нонсенс...

— Здесь свои особенности, — напомнил Римов. — У нас автономия — и это факт, от него нам точно не отвертеться.

Приезжий куратор не верил своим ушам. Понятно, что существует, допустим, некая автономия, но чтобы в таком виде — это уж слишком!

Тем временем, словно ниоткуда, образовался на пустынной дорожке белобрысый мужик. Он подошёл к беседующим и присел между ними — словно других свободных скамеек не было! Потом вынул из кармана сигарету, чиркнул спичкой и по-хамски обдал обоих табачным дымом.

Римов хотел было сказать наглецу, что

подобное поведение не только недопустимо, оно чревато штрафом, однако не успел, потому что с другой стороны аллеи к ним подошёл ещё один тип, высокий, похожий на оглоблю, присел сбоку и тоже закурил, обдав противным дымом. Запахи эти тут же смешались, так что у Римова с Петуховым засвербело в носу.

Потом всё было как в тумане. Римов сидел на скамье, будто приклеенный, и не мог шевельнуться. Кругом было дымно. Раздавались удары молотка, кто-то истошно орал — скорее всего, это был Петухов. А когда дым рассеялся, комиссар увидел прислонённый к дереву массивный деревянный крест с распятым на нём Петуховым.

Римов бросился со скамьи к куратору, но ничего уже не смог поделать — тот оказался прибит гвоздями и стонал от боли. Спасало одно: под ногами у Петухова была приколочена перекладина, и бедный куратор стоял на ней.

Римов выхватил из шорт крохотную рацию, нажал кнопку и произнёс:

— Пора...

И вскоре у него за спиной остановилась полицейская машина. Из неё выскочила бригада, принялась было освобождать Петухова. Следом прибыла бригада МЧС, хотя её никто не вызывал. Крест с Петуховым теперь лежал на земле. Визжала пила, металл брызгал искрами, орал несчастный

Петухов, пахло горелой человечинной.

Отпилив шляпки гвоздей и остудив металл водой из бутылки, Петухова сняли с креста, уложили на носилки, сунули в подошедшую скорою и, ревя сиреной, увезли в госпиталь ветеранов.

Римов оставался пока что на месте. С ним теперь была группа полицейских, поскольку надлежало осмотреть место происшествия. Остальные силы полицейского управления были брошены на прочёсывание местности и перекрытие автодорог.

Римов подошёл к кресту и стал его осматривать, с трудом соображая. При нём распяли московского начальника, действующего скрытно. На его месте мог оказаться Римов, но выбрали именно Петухова.

Римов огляделся по сторонам и вдруг понял, что вокруг опять натягивает туманом. И в этом тумане снова образовался длинный, а полицейские как-то странно рассосались в воздухе.

Длинный приблизился и заговорил, не раскрывая рта:

— Хочу заметить, что ваши доводы основаны на ложных представлениях. У нас замечательное правительство, у нас отличные спецслужбы...

Потом этот длинный развернулся и направился в сторону ресторана. Римов стоял у

креста и смотрел ему вслед.

— Взять гада! — встрепенулся он. Однако никто Римова в этот момент не услышал, зато из ресторана вышла группа парней с поленьями в руках и устремилась в сторону Римова.

Римов прыгнул к липе, спрятался за неё, дёрнул из кармана крохотный пистолет. Молодняк с полешками был уже рядом, когда полыхнула огненная струя. Парни бросились врассыпную, однако повсюду их настигало тонкое жало струи и валило с ног. Впрочем, длинному струя не повредила. Как ни старался Римов, тот ускользал от неё, а потом и вовсе растаял в воздухе.

Римов обернулся и снова увидел Петухова. Тот лежал в скрюченной позе, держа в руке старинный ржавый костыль. На затылке у него обозначилась громадная опухоль.

— Но как же?! — Римов не верил собственным глазам. — Я же тебя отправил!..

— Тебе показалось... Докладывай...

— Мне кажется, я их видел где-то, — вспоминал Римов. — Дрожали оба. Как студень... Потом растворились.

— Понятно, — хрипел Петухов. — Длинный. Студень... Центр тебе поможет. Я пришлю тебе парочку... Это такая против нас технология... — и потерял сознание.

Глава 2

Молодой человек по имени Кошкин весь день опять провёл у себя дома, работая за компьютером. За окном вечерело, а он всё торчал за столом, стараясь забросить виртуальную удочку в запретный чужой водоём. Но бесстрастный компьютерный голос неустанно возвращал его к трезвой реальности.

— У вас нет доступа к банку данных... У вас нет...

Кошкин надеялся, что после введения нового кода заветные ворота непременно откроются, но подлый шифр постоянно ускользал от него, и не было никакой возможности за него уцепиться.

Кошкин был парень хоть куда: стройный, высокий, кареглазый. Один был у него недостаток: возраст подходил к сорока, а юноша был пока что неженатый.

Человек под конец отодвинулся от стола, потянулся, хрустнув суставами. И вдруг подумал, что надо бы бросить эту затею и наслаждаться достигнутым — ездить на пикники, навещать друзей. Либо можно уехать на дачу, потому что зарабатывать деньги с помощью компьютера можно и там.

Его рассуждения прервал шорох за дверью. В кабинет тихо вошла стройная белокурая девушка

лет двадцати.

— Ужинать будешь, дорогой? — спросила она, сверкнув малахитовыми глазами:

— Что за вопрос, Машка?! — удивился Кошкин. — Я же всё-таки человек... В отличие от тебя...

— Вот я и спрашиваю, — сказала девушка...

Она подошла к Кошкину, присела ему на колени и стала целовать в губы, щеки и лоб. Со знанием дела. От неё пахло женщиной — желанной, доступной и близкой, так что Кошкин отключился от недавних забот. Голова у него теперь была забита одним. От нетерпения он шевельнулся в кресле.

Но девушка не торопила события.

— На сегодня у нас котлеты из филе индейки... — говорила она. — С овощами и куриным желтком. Готовится очень быстро... И вовсе не дорого...

— Понятно, понятно, — ёрзал в кресле Кошкин. — Но сначала секс... Потом душ, потом ужин...

— Но, может, сначала котлеты, а потом... — рассуждала девушка.

— Ты издеваешься?

— Нет, но всё же... Ведь ты у меня так много работаешь... Поэтому желательно закусить, прежде чем...

Но Кошкин не дал ей долго рассуждать.

— Нет! — велел он. — Бегом в постель! А я за тобой, Марусенька...

И та, покорно отпрянув от своего повелителя, поднялась и пошла из кабинета. У двери она остановилась, обернулась и ласково проговорила:

— Милый, я могла бы тебе помочь... найти то, что ты ищешь... Ведь я тоже могу искать... Я вся твоя от ворот магазина...

Выйдя из кабинета, она скользнула в соседнюю комнату, освободилась от платья, сняла трусики, затем нырнула в постель и накрылась тонким одеялом. Именно такое прозрачное одеяло почему-то любил Кошкин.

А вот и он. Вошёл. Сбросил с себя одежду и прыгнул в кровать, угодив Машке как раз куда надо — в скользкий и трепетный мир.

Машка божественно всхлипнула и стала под ним шевелиться, ритмично работая задом. А когда всё закончилось, она всё ещё шевелилась под ним.

— Милый, ты доволен мной? — донимала она. — Ну скажи... Не томи...

Однако тот пока что молчал, вспоминая Машкины слова: «Милый. Я тоже могу искать... Я вся твоя от ворот магазина...» Допустим, от ворот магазина — это понятно, но к чему эти слова — могу искать? Откуда в железной башке подобные мысли?

Однако отвечать следовало, и он сказал ей, что всё было на уровне. В этом и заключался алгоритм их отношений, в противном случае Машка осталась бы в постели, исходя слезами до посинения. Такова была её природа, которую Кошкин так и не смог перестроить на собственный лад.

Он выбрался из постели и отправился в ванную, потому что лежать раздетым уже не было никакого смысла. Он встал под воду, и, не торопясь, ополоснулся. А когда вернулся в спальню, то оказалось, что Машка не только приняла душ, — у них в квартире было две ваннх комнаты, — но уже накрыла на стол.

— Забыла спросить, как твои успехи? Есть подвижки? — спросила она.

— Опять ты за старое? — удивился Кошкин. — Допустим, что есть. Но тебе-то какое дело?

— Я просто спросила... — Машка замерла среди комнаты.

— Спросила она... Пишу помаленьку...

— Писатель... — усмехнулась Машка.

— Зато ты у нас богиня любви.

— Да, я богиня...

Может, они так и зубатились бы, забыв об ужине. Но в кабинете громко запел телефон.

— Кошкин слушает... — сказал Кошкин,

оставаясь на месте. В голове у него теперь звучал голос матери, в то время как в кабинете телефон замолчал.

— Гони прохиндею, пока не поздно, — гудел в голове материн голос. — Избавься от железяки...

— Послушай, — пыхтел в ответ Кошкин. — Она мне почти что жена...

— А ты мой единственный сын, Володенька, — говорила мать. — У тебя не будет от нее детей...

Молодой человек замолчал. Мать была абсолютно права.

— Неужели тебе не понятно? — продолжала Софья Степановна. — У неё железные мозги, а мне хочется внуков, Володенька. Но если ты не можешь решить проблему, то я сама за тебя решу — вот увидишь... Налажу её из квартиры...

— Ты не можешь этого сделать! — опомнился сын. — Ты не имеешь права!

Но мать стояла на своём.

— Ты знаешь, к чему это приведет? — спрашивала она и сама же отвечала: — Ты будешь старый, больной, ни на что не способный дед... К которому никто не придёт, потому что меня к тому времени не будет...

— Пойду, прогуляюсь, — оборвал её Кошкин. — Опять ты за старое...

Он щёлкнул зубами, и голос матери

оборвался. Эти звонки — сущее наказание, причём в самый неподходящий момент. Кошкин подошёл к шкафу и стал одеваться. Надел серые летние брюки, светло-зеленую рубашу и двинулся в прихожую, где у него была тумба для обуви.

— Ужинать! — спохватилась Машка. — Ты же голоден, дорогой...

— Обойдусь...

— Действительно... Какой уж тут аппетит... — в тон ему согласилась Машка.

Кошкин обулся, вышел из квартиры, затворил за собой дверь, а вскоре уже брёл косогором вдоль чугунного парапета. Здесь всюду гулял ветер, серая река далеко внизу пенилась в бурунах. Потом он повернул в сторону площади Независимости, с трудом соображая, для чего туда идет. Группа быстрых моноциклистов обогнала Кошкина и ушла на перекрёстке за угол дома. Возле супермаркета длинноногая, тонкая и гибкая женская фигура, затянутая в ослепительно белое трико, крутилась высоко в воздухе на трапециях. Она плавно взлетала вверх к концам стальных мачт, мягко и точно подтягивалась на трапеции, а потом, раскачав её, обрывалась вниз головой, успев ухватиться стопами за перекладину. Потом она снова всё повторяла, но только совсем по-иному, в нарастающем темпе. Она старалась изо всех сил, однако прохожие не обращали на неё внимания,

потому что дама-андроид висела в этом месте давно и порядком всем надоела.

Чуть поодаль, в тесном загоне из обглоданных жердей, стоял в полудрёме коричневый сухопарый козёл со сплюснутыми рогами и длинной бородой. Через ограждение к козлу тянулся с микрофоном в руке моложавый мужик в футболке.

— Как вы относитесь к нашему правительству? — спрашивал он у козла.

Козёл встряхивал рогами, осовело водил мутными глазами.

— А к его председателю?

Козёл недовольно вертел головой, гортанно орал, затем, улучив момент, вскакивал на забор и под хохот зевак плевал в лицо репортёру. Другой мужик снимал всё это на видеокамеру.

Из супермаркета вышел человек в папаше, навстречу ему, бряцая амуницией, шагали казаки с шашками в ножнах.

— У тебя шляпа из горного козла или степного? — прилип один из них к «папаше». Казаки были явно под мухой и никуда не спешили.

— Не просто горного, а козла-скалолаза, — ответил степенно владелец папашки.

— У-у-у, — загудели казаки. — А где ты его добыл?

Дальше Кошкин не расслышал. Он повернул за угол здания и снова наткнулся на группу

моноциклистов, один из которых теперь лежал плашмя на асфальте. Над ним склонился полицейский и снимал его на видео. Одноколёсное средство передвижения валялось рядом. В асфальте виднелось углубление с металлической решеткой — это углубление, по всей видимости, и стало причиной падения. Ещё двое полицейских стояли поодаль, возле служебной машины, и смотрели по сторонам.

— Понастроили тут, — ворчал моноциклист. — Я взыщу с этих гадов... Они у меня попляшут.

— Город не виноват, — произнёс полисмен. — Данное углубление является допустимым... Вы превысили скорость движения, предусмотренную для вашего средства передвижения.

— Ну, ты загнул, бедняга... — моноциклист стал подниматься. — Углубление, говоришь? Для одного колеса?

Кошкин не стал дожидаться, чем закончится дело. Он шагал теперь в сторону одинокой громадной колонны, на которой стояла каменная женщина. Это был памятник Победе, случившейся очень давно. У женщины на голове был каменный венок. Правой рукой она указывала в сторону проспекта. Каменное платье облегалo её стройные ноги, под которыми, у основания колонны,

толпился народ и гремел мужской голос.

Кошкин направился в ту сторону. Оратор, стоя на ступенях колонны, кричал в мегафон. Говорил он, между прочим, о близком конце света и просил народ опомниться.

Владимир пробрался ближе к колонне. Оратором оказался бородатый мужик в пятнистой одежде и военных ботинках. Рядом с ним стояла девушка лет двадцати-тридцати — на ней была точно такая же куртка, с пятнами, а также ботинки с заправленными в них брюками. За спинами у обоих висели рюкзаки.

— Разве же это общество?! — говорил мужик. — Это сплошной дом терпимости! Это говорю вам я — Пульсар, пришедший из леса! Со мной моя дочь Екатерина, она выросла в лесу, не зная вашего мира!

Народ с любопытством слушал Пульсара.

— Вы забыли, для чего приходил к нам Господь! Он пришёл сохранить старые принципы, построенные на равенстве! Он говорил нам о том, что закон Моисея забыт! С тех пор прошло без малого три тысячи лет! Что изменилось с тех пор?! А я вам скажу! Вам насадили закон «О защите толерантности». Но это закон для избранных, поскольку одних он угнетает, вторых превозносит до небес, включая андроидов...

Мужик опустил микрофон, обвёл взглядом

толпу. Народ оглядывался по сторонам, соображая. Человек из леса мог быть кем угодно, в том числе провокатором.

— Зато у нас, — сказала дама в джинсах, — восстановлен язык прошлого века. Мы говорим точно так, как говорили наши предки...

— Именно! — воскликнул мужик лет пятидесяти. — Благодаря закону, мы помним Даля, Толстого и Чехова...

Однако эти доводы не сбили с толку Пульсара.

— У тебя есть дома андроид?! — спросил он в микрофон, бегая глазами поверх толпы. И добавил: — Для сексуальных услуг?!

— Ну, допустим... — ответил ему оппонент. — С кем хочу — с тем и сплю...

— Я тебя поздравляю! Ты умрёшь под забором! Потому что никто не подаст тебе кружку воды! У тебя не будет детей, уважаемый!

— И что ты предлагаешь?

— Не лезть хотя бы под шкуру, а просто слушать! — ответил оратор. — Задумайся, куда ведёт такая политика!

Оппонент замолчал, тараща глаза.

— Ведёт она туда, — продолжал Пульсар, — где таким, как ты, не будет места — там будет место для искусственного интеллекта! Именно к этому всё идет... Сейчас я обосную свою точку

зрения, но только не перебивайте меня. Просто выслушайте... У нас в лесу...

Однако продолжить оратору не дали. Из толпы выдвинулись двое в штатском, взяли говоруна под руки и, приподняв, понесли его со ступеней к асфальту. Пульсар, работая ногами, пытался шагать, хотя ноги у него не доставали до пола. Получилось подобие бега в состоянии невесомости. В толпе возник хохот. Пульсара затем опустили ногами к полу, затем повалили, после чего мужик стал извиваться, пытаясь вырваться из цепких лап. Однако чем больше он прилагал усилий к освобождению, тем сильнее становилась хватка железных рук на его запястьях. Один из полицейских поднёс к его лицу своё удостоверение в виде круглого белого жетона с цифрами и стал говорить о правах задержанного.

— Уважаемый Пульсар, — бормотал полицейский, — ты имеешь право знать, в чём обвиняешься, иметь защитника в административном процессе. Защитник может предоставить твои интересы в суде, а ты лично можешь извиниться перед судом за допущенное нарушение. Кроме того, учитывая доказанность деяния и неотвратимость наказания за его совершение, ты имеешь право на своё освобождение по месту своего задержания, прямо здесь, при условии выплаты административного

штрафа в сумме полутора средних месячных единиц оплаты труда. Норма нарушенного административного права — статья пять-тридцать восемь «Нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании».

— Отпусти! — Пульсар корчился от боли. — Ты сломал мне кости!.. Будь я хакер, от вашей системы давно ничего не осталось бы! Но я не хакер!.. И даже не программист! Я строитель, который построил машину!.. Опомнитесь, пока есть время!..

Его дочь металась рядом.

— Отпустите его! — просила она, стараясь освободить отца. Другой полицейский, читавший права, остановил её тем же манером, ухватившись рукой в запястье. Лицо у девушки исказилось от боли.

— Помимо того, — продолжил полицейский, державший Пульсара, — штраф может за вас уплатить любой уважаемый.

Он обвёл взглядом толпу и, остановившись на Кошкине, строго спросил:

— Что? Уважаемый желает внести деньги?

Кошкин удивился до крайности, однако промолчал.

— Что-то не понял я, — продолжил полицейский. — Вы кем им приходитесь — кум,

сват?

— Брат, — ответил Кошкин, пугаясь собственных слов.

— Ваш кошелёк, — сказал полицейай, протягивая к нему руку. — Прошу ценить наше время и не задерживать. У вас две секунды для размышления... Раз...

— Вот мои деньги! — опередил его Кошкин, доставая из кармана пластиковую карту.

Полисмен оживился при виде карты, взял её свободной рукой, сунул себе в карман, затем вынул и возвратил Кошкину. Однако отпускать девушку он не спешил. Первый полицейский тоже не торопился.

— Штраф не прошёл регистрацию... Надо ждать, уважаемый.

Кошкин на чём свет ругал себя. Прогулялся, называется! Он мог бы тихо смыться, оставив этих двоих один на один с полицейскими. Он мог бы, да что-то держало его — может быть, слово «машина», которое произнёс перед этим задержанный.

Железные клещи под конец разомкнулись, мужик с дочерью оказались на свободе, после чего толпа зевак моментально схлынула вместе с полицейскими.

— Спасибо тебе, добрый человек, — говорил Пульсар, тряся бородой. — Ты не прошёл мимо...

Остановился...

Слово за слово, они разговорились и тихонько пошли втроем от площади. Бородатого звали дядей Федей, по отчеству — Ильич, а девушку — Катенькой. Дядя Федя массировал запястья, проклинал систему и тех, кто её построил.

— Вначале мы даже думать боялись, — гремел его голос, — что какой-нибудь робот заменит не только, допустим, кассира в банке, но и женщину в кровати, что местное самоуправление докатится до такой вакханалии... Раньше, когда только всё началось, и то терпеть не было никаких сил...

Они подошли к Волжскому косогору и возле чугунной ограды остановились. Кошкин большей частью молчал, с трудом переваривая информацию. Кассир в банке, женщина в кровати... Существо, от которого могут быть дети.

— Так и ушли мы в лес с женой. А потом Аннушка у нас умерла, — рассказывал Фёдор Ильич, — мы остались с дочкой одни. А вскоре мне зарубили военную пенсию. Они сказали, что такого человека не существует. Меня нет. И дочки моей тоже нет, хотя она — вот она, со мной рядом...

— Такого не может быть, — не верил Кошкин.

— Ещё как может! Это лишь видимость, что я есть! — утверждал мужик. — Вначале я тоже

удивлялся, правду ходил искать...

— Но есть же федеральный центр, — напомнил Кошкин.

— У Центра свои проблемы.

Мужик пристально посмотрел Кошкину в глаза, потом отвел взгляд и продолжил, глядя в заречную даль:

— Дело даже не во мне. И не в центре. Дело в этой вот городской агломерации... — Он ткнул пальцем в заросли крапивы под косогором. — В этой вот компактности... Ей отведено не так много времени. Будь я хакер, можно было хоть на что-то надеяться. Катенька не даст мне соврать. Скажи, Катя...

Дочь вскинула к небу глаза, тяжело выдохнула и промолчала.

— Что ты думаешь об этом? — настаивал отец.

— Мы помрём с голоду, — ответила она. — Это я точно знаю.

Она вдруг стала часто моргать, достала из кармана платок, приложила к лицу и затем отвернулась. Отец тронул её за плечи. Дочь обернулась к нему и продолжила:

— Агломерация, говоришь?

— Ну да, — подтвердил тот.

— Я сыта ей по горло за эти три дня. Мы уйдём в лес и не вернёмся сюда никогда.

— Я понимаю тебя, Катенька ... Но мы обязаны...

— Уходим...

— Уже вечер. Нам не добраться назад...

Кошкин стоял в растерянности. Не добраться — значит, возможно, погибнуть. Может быть, этой же ночью, нарвавшись на волчью стаю, о которой недавно писали в сети.

Тем временем солнце садилось всё ниже, от городских строений тянулись под гору громадные длинные тени.

— Я бы не советовал ехать в ночь, — сказал Кошкин.

Взгляд у него скользнул по груди девушки. Потом застрял у неё на шее — там, где билась едва заметная усталая жилка. Кошкин давно мог быть дома, потому что ничто его не связывало с этими людьми, но жилка под тонкой кожей теперь не отпускала его. Она просила решения быстрого и точного. Как тот пароль, который не давался ему в последнее время.

— Обещали похолодание, — продолжил он. И тут же добавил: — Вы можете заночевать у меня.

— Мы и так вам обязаны, — оживился Фёдор Ильич.

От напряжённого разговора Кошкина слегка лихорадило.

— У нас есть, где жить, — говорила

девушка. — У нас дом в лесу. Пусть живут себе. Видит бог, мы пытались, но нам не дали вразумить эти головы.

— Назад... К природе... — соглашался с нею отец. — Будем собирать там грибы...

В наступающих сумерках, шагая косогором вдоль чугунного ограждения, они подошли к двухэтажному кирпичному дому.

— Вот и жилище моё, — сказал Кошкин.

Он уже взялся за ручку двери, собираясь пропустить впереди себя своих новых знакомых, как услышал за спиной шорох автомобильных шин. На углу бокового проезда остановилась машина со световым маяком, за ней ещё одна.

— Не двигаться! — гремело над улицей.

На дорогу из машин выскочило не менее дюжины человек. Яркая желто-зеленая форма на них зловеще светилась. Подобное свечение не сулило ничего хорошего.

— Руки вверх! Я Татьянахо! — раздалось снова.

— Черти тебя принесли...

Кошкин содрогнулся. Татьянахо командовал городской милицией, созданной по решению местного правительства в помощь федеральной полиции. Не успел Кошкин ещё что-нибудь сказать, как его облепили со всех сторон, ухватили за руки и

с хрустом надели наручники.

Пульсара с дочерью прижали лицом к стене и, заведя руки за спину, тоже надевали на них наручники.

— Кто вы?! — орал, оборачиваясь, Фёдор Ильич. — Я буду жаловаться прокурору! Я пойду к губернатору!

— Пойдёшь! — радостно соглашался с ним сухой рыжий мужик в штатском, лет за сорок, в форменном чепчике. Это и был Татьяноха. — Мы тебя обязательно отпустим... — говорил он торопливо. — Но ты запишись к нему на приём для начала, потом ори...

Он замолчал, отворачиваясь, и в тот же миг, словно бы передумав, вдруг яростно уцепился пальцами в Федину шею. Ноги у Феди при этом подкосились, он сначала как будто повис у стены, а потом повалился боком в асфальт.

— Что вы делаете! — кричала Катя. — Вы не имеете права!

Дальше ей не дали сказать. Один из милицейских повернул её лицом к стене, прижал к шее дубинку и так стоял, пока другой из них шарил у девушки по карманам.

— Я женщина! — хрипела Катя. — Это вам не пройдёт...

— Да, не пройдёт, — тихо и зло соглашался Татьяноха, кося при этом глазами одновременно в

разные стороны. Он приблизился к девушке, ухватил её за плечо и развернул к себе. Затем, уцепившись пальцами в подбородок, приблизил к себе и проговорил:

— Это не пройдет никогда... Потому что мы не позволим...

Глава 3

Начальник федеральной полиции Римов Сергей Иванович сидел за столом у себя в управлении на улице Карла Маркса и принимал доклады от группы наружного наблюдения. Услышав про мужика с дочерью, наказанных на месте за самовольный митинг, он оживился и стал спрашивать полицейских о дальнейшей судьбе задержанных, а когда понял, что задержанные были отпущены за ненадобностью, то сильно расстроился — уж больно интересной показалась ему личность этого самого Феди-Пульсара. Бродит по городу, орёт на каждом углу о правах человека, высказывает недовольство существующим порядком вещей. При этом никому неизвестно, чего он хочет.

— За него заплатили, — оправдывался высокий полицейский, бывший за старшего во время патрулирования.

— И вы его отпустили... — продолжил за

него Римов.

— Так мы же не могли иначе, Сергей Иванович. Деньги поступили на счёт...

Римов сморщил лицо.

— Что-то не так? — спросил старший.

— Надо было всё же доставить обоих... и выяснить — кто такие, откуда взялись, с какой целью ведут пропаганду... Можете вы сказать, где они могут сейчас находиться?

— Так точно, — ответил старший, — мы поместили их обоих.

Он вынул из кармана патрульный навигатор, нажал на нём кнопку и подал Римову. Тот взглянул в устройство, отчего брови у него вскинулись кверху.

— Их опять задержали! — воскликнул он. — Татьяна! Ну, зараза!..

— Милиция?! — изумился другой полицейский.

— Ну, сволочь...

Удивляться было чему, поскольку милиция, сформированная не так давно, теперь совала свой нос во все щели, действуя в противовес федеральной полиции. Руководил милицией Татьяна, которого прозвали в народе Рыжий Бес. Впрочем, Римов знал его под другой кличкой.

— Надо перехватить его! Быстро!

Римов выпрыгнул из-за стола и помчался

пустым коридором к лестничной площадке. Подчинённые едва поспевали за ним. Выскочив во внутренний двор, он прыгнул в вертолёт. Подоспевшие за ним полицейские скакнули следом. Набрав обороты, вертолёт поднялся со двора, пошёл в северную часть города и вскоре завис над газоном возле двухэтажного кирпичного дома.

— Всем оставаться на своих местах! — угрожающе гремело над домом. — Шаг влево, шаг вправо — считается побег!.. Прыжок на месте — провокация!

Одежда на Татьянохе трепетала от ветра. Форменный чепчик сдуло с головы и несло вдоль улицы.

Вертолёт, выпустив длинные телескопические ноги, присел к земле. Из него высыпало с десятков полицейских в защитных жилетах и касках и окружило милицейскую группу.

— Я начальник милиции, у меня права! — орал Татьяноха.

— А я начальник федеральной полиции, — сказал Римов. — У меня тоже права. И если ты скажешь ещё полслова, то я за себя не ручаюсь.

Полицейские за его спиной целились из оружия. Конфликт между силовыми структурами мог обернуться кровопролитием. Высокий полицейский, принимавший участие в первоначальном задержании, подошёл к Фёдору,

снял с него наручники, потом освободил Катю, Кошкина и бросил наручники к ногам Татьянохи.

— Я забираю задержанных, — произнёс Римов.

— Не имеешь права! — Татьяноха крутнулся на месте. — Без нас вы никто, потому что не в состоянии...

Дальше он действовал словно в тумане. Пригнувшись, он двинулся головой в сторону Римова, по-бычьему, словно собираясь надеть того на рога. Однако Сергей Иванович, увернувшись в сторону, аккуратно щёлкнул его кулаком в челюсть, после чего Татьяноха окончательно потерял ориентацию: он пошёл, согнувшись, по кругу и упал в траву.

— Нокаут, — сказал один из полицейских.

Подчиненные Татьянохи замерли на месте. Поражение Рыжего Беса случилось для них впервые.

Римов обернулся к Фёдору Ильичу.

— Вам придётся с нами проследовать, — сказал он голосом, не терпящим возражений. — У нас к вам вопросы, как ни странно... Это ненадолго. Потом вас доставят назад. Слово офицера...

И, взяв под локоть Катеньку, Сергей Иванович первым шагнул к вертолёту. Остальные покорно последовали за ним. Вертолёт поднялся над домом, развернулся и пошёл, свистя винтом, в

обратном направлении.

А пока Римов летел, Татьянаха землёй добрался до своего кабинета и стал жаловаться по телефону в приёмную председателя правительства. Его тут же отослали на другой номер. Набрав его, он говорил о том, кто он такой, какими обладает правами и под конец про то, как его избili во время проведения операции по захвату особо опасных преступников, одним из которых является Кошкин Владимир, замеченный в хакерстве, крэкерстве и в чём-то ещё экзотическом. При этом он забывал сказать о причине, по которой получил по зубам.

Он говорил вялым голосом (нокаут давал о себе знать).

— Меня назначили не для того, чтобы вот так...

Однако его скулёж никто не хотел слушать, и тогда он решил, что не надо брезговать ничем. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Лучше, конечно, в крестах, но только не в тех «Крестах», где ему однажды пришлось побывать, будучи под следствием. А ещё он подумал, что старый друг лучше двух новых... И Дмитрий Олегович набрал очередной номер. На этот раз он звонил в Ревком, надеясь услышать хотя бы голос дежурного.

— Уважаемый абонент, — чётко проговорил

женский голос в трубке, — вы попали в ревизионную комиссию по защите прав толерантности. Ваш голос записывается регистратором. Представьтесь, пожалуйста...

— Начальник милиции вас беспокоит, Татьяноха моя фамилия. А зовут меня Дмитрий Олегович. Нас недавно создали... В помощь полиции, так сказать, потому что у них проблемы...

— Понятно, — оборвал его мужской голос.

— Я с кем говорю? — обрадовался Татьяноха.

— Подполковник Виноградов моя фамилия...

— А-а-а, Сан Саныч... — Татьяноха расплылся в улыбке. — Как раз мне вас надо. Дело в том, что меня ведь избили сегодня. На почве защиты прав толерантности...

— Как ваша фамилия?

— Э-э... понятно... Начальник милиции моя... Татьяноха Дмитрий Олегович. Избит начальником полиции — Римов его фамилия. Да вы знаете его... Он такой весь из себя, что прямо ужас какой-то...

— Подробнее, пожалуйста, — попросил его Виноградов.

И Татьяноха, прыгая с пятого на десятое, стал рассказывать о том, как он в составе патрульной группы пытался задержать известного хакера Кошкина, которому было предписано сидеть дома с девятнадцати часов до семи часов утра — он же под

административным надзором находится как-никак. Однако этот проходимец не только нарушил режим, но даже припёрся к себе домой с двумя неизвестными — мужиком бородатым, в годах, и бабой лет двадцати.

— И что с того, что припёрся? — удивлял его Виноградов.

— Дело в том, что, по нашим сведениям, Кошкин работает над проектом, — произнёс Татьяноха полушепотом.

— Понятно, — сказал Виноградов и велел срочно прибыть в комиссию.

— А мне бы Анатолия Ефремовича, — попросил вкрадчивым голосом Татьяноха.

— Жердяй в отпуске, я за него пока что, — прозвучало из трубки, и Виноградов отключился.

Татьяноха, сунув в кожаную папку административное дело на Кошкина Владимира Львовича, встал из-за стола, помолился в сторону угла, в котором у него висели часы с кукушкой. Потом сунулся к двери, и тут его прошибло, словно молнией.

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!..

— А чтоб тебя!

Татьяноха с испугу плюнул в пол, снова перекрестился, оглядел кабинет и вышел в коридор.

Этим же вечером, добравшись на служебной машине на улицу Льва Толстого к зданию Ревкома,

Татьяноха вышел из машины и осмотрелся. Улица здесь была почему-то пустынна.

На вахте его встретил прапорщик, которому оказалось мало предъявленного удостоверения. Прапорщик сначала доложил кому-то по телефону и лишь после этого, получив разрешение, позволил Татьянохе пройти в вестибюль, а потом указал на приоткрытую дверь сбоку от входа.

— Сюда, пожалуйста... К вам сейчас выйдут...

Татьяноха вошёл внутрь. Это оказалась продолговатая комната с единственным столом и окном, выходящим на земельный участок с ухоженным газоном. Двор со стороны улицы был огорожен глухим забором, так что из окна нельзя было увидеть прохожих.

— Прошу садиться, — прозвучало за спиной Татьянохи.

Мимо стола прошёл стройный белолицый мужчина в темно-сером гражданском костюме и сел за стол.

— Я подполковник Виноградов, — сказал гражданин и добавил: — Прошу еще раз, но только вкратце, по существу.

— Дело в том, — хлопая рыжими веками, начал Татьяноха, — дело в том, что он меня отправил в нокаут, а я должностное лицо при исполнении. Нас недавно разархивировали... В

смысле, до этого у нас была общественная организация... «Бригады содействия полиции» называется. Потом нас взяли в штат и назвали милицией.

— Это мы в курсе, — сухо сказал Виноградов. — Были народной дружиной — ей и остались... Зато получаете зарплату. Я слушаю вас.

— Мы хотели задержать этого, как его? Крэкера или как его...

— Хакера...

— И поработать с ним по поводу нарушения авторских прав. Он же привлекался когда-то. Поэтому, как я полагаю, с ним надо работать. По моим сведениям, он упорно над чем-то завис.

— Откуда такие сведения, — улыбнулся краем губ Виноградов.

— Старые связи, — замялся Татьяна. — Электронная проституция...

— А полиция, выходит, вам помешала, не так ли?

— Так точно. Мы сами смогли бы, но Римов перехватил...

Информация Татьяны, как видно, заинтересовала Виноградова. Подполковник поднялся и, сцепив на груди руки, стал ходить вдоль стола перед Дмитрием Олеговичем. Туда и обратно. От окна и к двери. Потом сел за стол, вскинул светлую голову, расправил толстые

мясистые губы. Внушительный нос с горбинкой, казалось, готов был клюнуть ненавистного Татьяноху.

Однако этого не случилось. Вместо этого Виноградов пробежался глазами по стенам и произнёс тихо и с расстановкой:

— Можете быть уверены: прямо сейчас мы примем кардинальные меры. Мы тщательнейшим образом проверим ваше сообщение. Кроме, конечно, рукоприкладства со стороны господина Римова, поскольку, увы, это не наша подследственность. По этому вопросу это вы к прокурору, пожалуйста. Надеюсь, вы меня понимаете...

Еще бы ему не понимать! Татьяноха поднялся из-за стола и рывкнул от радости:

— Так точно, товарищ комиссар безопасности.

— Подполковник, — тихо поправил его Виноградов и растворился в комнате, будто серый туман.

Татьяноха от неожиданности даже присел на краешек стола. С минуту он так сидел в помещении, тряся головой и стремясь осознать, так ли его поняли высшие инстанции, а также не приснился ли ему вообще комиссар Виноградов.

— Прошу на выход. — Перед ним стоял прапорщик. — Аудиенция окончена.

«Но он же не папа римский!» — удивляясь, хотел крикнуть Дмитрий Олегович, но воздержался. Покорно поднялся и побрел к выходу из гэбистской конторы.

Не успел он сесть в свою машину, как из открывшихся ворот сбоку учреждения выехал приземистый дизельный автомобиль серо-зеленого цвета. Коптя воздух, машина повернула направо и пошла снизу вверх, набирая скорость покатою дорогой.

Татьяноха радовался, глядя вслед машине. Не иначе как по его сообщению направились работать ребята.

Тем временем Римов Сергей Иванович беседовал с Фёдором Ильичем по фамилии Шендерович. Это был не то чтобы разговор по душам. Это был диспут на тему «Государство и право», плавно перешедший затем к религии. При этом Римов никак не мог понять, чего такого важного лично он не заметил в Писании.

— Прошу заметить, — поправлял его Фёдор Ильич, — не просто в Писании, а в Новом Завете. Господь говорил, молясь: «Отче наш, Иже еси на небесех!..»

— Совершенно с вами согласен, — вздохнул Римов, украдкой глянув на ручные часы. — Именно в Новом Завете.

— «Да святится имя Твое, да придет

Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...»

— Приидет...

— Это не просьба, — продолжал Шендерович, — это готовность нашей души к тому, чтобы на земле стало также, как в божьем царстве. Ведь сказано же: «Да приидет Царствие Твое!» Это означает только одно: мы хотим сделать на земле всё возможное для того, чтобы совершенное царство распространилось досюда, чтобы выполнялись законы творения. «Да будет воля твоя как на небе, так и на земле». В этом заложена не просто готовность покориться божественной воле, считаться с ней, но и готовность стремиться к тому, чтобы эта воля воплотилась на земле.

— И все-таки, к сожалению, ничего для вас сделать теперь не могу, — подвёл черту Сергей Иванович. — Деньги по штрафу уплачены, их теперь не вернешь, да и процессуальных возможностей таких у меня нет. Закон я отменить тоже не могу, хотя полностью с вами согласен: наше общество деградировало, рождаемость падает с каждым годом. Женщина с детской коляской — это теперь уже редкость. И если мы не решим эту проблему, то скоро здесь будет пустыня. Впрочем, извините за банальность, природа не терпит пустоты — сюда придут другие...

Кошкин и Катя сидели в креслах напротив,

ели бутерброды с ветчиной, запивая их чаем. Рожденный в городе, а не где-нибудь в лесу, Кошкин всегда был снисходителен к существующему порядку вещей, считал его незыблемым, включая возможность хакерства. Эта возможность, как он считал, совпадала с положениями закона «О защите толерантности». Ведь именно в этом правовом акте говорилось о терпимости к проказам ближнего своего.

— Я только не понял, господин комиссар, — неожиданно встрял он в разговор. — Для чего мы понадобились бригаде содействия?

— Это теперь милиция, — поправил его Римов, — а вот для чего и, главное, почему, мне самому до сих пор не понятно. У них нет доступа к нашей информации... Думаю, здесь собака в чём-то другом зарыта...

... Татьянаха, проводив взглядом пятнистый броневик, решил по пути проехаться по улице имени Железной Дивизии. Сев в машину, он развернулся и поехал улицей книзу, потом повернул направо, а вскоре уже стоял возле серого здания с широченным козырьком над подъездом, опирающимся на две массивные бетонные лапы. В этом здании помещалась Главная прокуратура. Несмотря на поздний час, на третьем этаже в одном из окон горел свет, и было видно, как по светлому

потолку ползают чьи-то тени.

Дмитрий Олегович съехал с дороги и остановился на площадке подальше от входа: ставить машины возле бетонных лап запрещала белая табличка с черными буквами. «Только для работников Главной прокуратуры» — значилось на этом листе.

Татьяноха вошёл в вестибюль, протянул удостоверение охраннику.

— Обождите, — сказал ему тот, поднося к уху крохотный телефон. И в трубку: — Тут к вам подошли, Валерий Васильевич... Начальник милиции... — И Татьянохе: — Можете идти, Вершилов вас ждёт.

Дмитрий Олегович шагнул широкими мраморными ступенями кверху, поднялся на третий этаж и через пустую приёмную вошёл в просторный кабинет. Прокурор сидел за столом и с любопытством смотрел в стоящий с боку телевизор. Ведущий монотонно бубнил о курсе электронной валюты, используемой в оптовых покупках, а также о курсе валюты обыкновенной, используемой гражданами при покупке предметов первой необходимости.

«Потому-то и нет народу на улицах!» — бухнуло в голове Татьянохи. Он поздоровался, приблизился к столу и встал как вкопанный. И так стоял, пока прокурор не выключил телевизор.

Махнув рукой, прокурор усадил Дмитрия Олеговича на стул перед собой.

— Слушаю вас, уважаемый Татьянахо, — сказал он, обращая мясистое лицо в очках к Дмитрию Олеговичу. — У вас проблемы?

Татьяноха поздоровался еще раз, на что в ответ получил кивок, и принялся вновь излагать суть происшедшего. Прокурор, глядя исподлобья, едва заметно кивал в такт его рассуждениям.

— Прибыли мы, значит, на место, — рассказывал Татьянахо. — Задержали, как полагается. Вдруг, является этот и кричит с вертолёта: «Всем оставаться на местах! Шаг влево, шаг вправо... Прыжок на месте...»

— Вот оно как? — ухмыльнулся Вершилов.

— У нас всё готово на этого Кошкина. Завтра я завожу на него дело, и мы с ним венчаемся.

— В смысле?

— Он пойдет у нас как последний хакер... За нарушение административного надзора.

— Стоп-стоп! — удивился прокурор. — За надзор это для меня, допустим, понятно. Но причем здесь хакерство? Разве же это твоя компетенция?

Татьяноха от неожиданности вздернул плечи и принялся молча разводить над столом руками.

— То-то же, — снисходительно произнёс прокурор. — Хотели как лучше... Однако возникла непреодолимая сила, — хохотнул он вполголоса, —

которая наклевала вам в самое темя...

— В челюсть...

— Это я образно, — сморщился недовольно Вершилов.

— Меня унизили в глазах подчиненных. Теперь я никто перед ними...

— Ты заплачь ещё тут. Прекратить, я сказал! — воскликнул Вершилов. — Не об этом надо думать, а о том, что здесь говорят. — Прокурор ткнул пальцем в сторону телевизора. — Сокращают вас, дураков, по причине дефицита бюджета — туда вам и дорога, убогие.

У Дмитрия Олеговича обиженно вздернулись кверху глаза. Он сделался вдруг как будто бы меньше. Был начальником милиции — и теперь его нет...

— Тогда пошёл я, Валерий Васильевич, — сказал он чужим голосом, тяжело развернулся за столом, собираясь бежать со всех ног. Бежать, пока не остановит какое-нибудь препятствие на пути. Он дернулся было кверху.

— Место! — опередил его Валерий Васильевич. — Сидеть!..

И Татьяна снова присел, недоумевая. Его только что осадил, как если бы он был какой-нибудь пёс, кобель. Странно. С чего бы это такое случилось?

— Остайся, — велел ему снова прокурор. —

Тебе еще не давали такого права, чтобы ты убежал. Ты в нашей обойме, так что прошу вести себя подобающе. Это на будущее. А пока поговорим — о том, о сём, о погоде, о твоей работе... О будущей...

И прокурор принялся рассуждать на этот раз о партийном строительстве, чем вызвал слабую улыбку у Дмитрия Олеговича. Потом вдруг прошёлся по Виноградову и методам работы в его учреждении. По его словам выходило, что хоть это и тайная полиция, но в нынешнем мире, пока существует государственное устройство, без тайной полиции хоть удавись.

— Это я понимаю, — вякал в ответ Татьянаоха. — С этим я согласен...

— Проблема у нас в другом, проблема у нас теперь в людях — тех самых, которым мы можем доверять. — Прокурор снял очки, положил их на стол и продолжил: — Думаешь, у меня здесь всё гладко? Куда там.

Дмитрий Олегович ловил на лету слова прокурора.

— А Виноградову с этим Жердяем, прошу тебя, не доверяй. Кто такой Виноградов?

— Сан Саныч?

— Ага, Саныч, — усмехнулся прокурор. — Он такой же Саныч, как я Уздечкин-с. Вертун, разудалая сволочь — вот кто он такой. Заставит

плясать, особенно если ты попал к нему на сковородку, а заступиться за тебя некому. Так что такой мой будет совет, Дмитрий Олегович: пиши заявление на перевод в прокуратуру, пока есть возможность. Помощником по следственной части. Мне такой человек как раз нужен.

Дмитрий Олегович млеет от слов прокурора.

— Будешь у нас, как это, Иудушка-кровопивушка. Войдешь во вкус — удержу не будет... А так-то нам добреньких даром не надо, потому что миндальничать некогда. Что молчишь? Неожиданно для тебя?

— Да вроде как... — пряным голосом ответил Татьяноха.

— А для меня нет. — Прокурор уставил на него удавыи глаза. — Поспешили мы с этой милицией. А теперь, — он ткнул пальцем кверху, — там бюджет урезают. Так что пиши.

Прокурор протянул руку к принтеру, вынул из лотка бумажный лист и подал Татьянохе. Тот принял лист, положил его перед собой, достал из кармана ручку, ткнулся было писать, но задумался.

— Как писать-то?

Прокурор недовольно мотнул головой и, тяжело вздохнув, достал из стола образец заявления и протянул Татьянохе.

— Пиши, как в бумаге, — сказал, — а я пока отолью...

Он грузно поднялся из-за стола и шаркающей походкой направился к боковой двери. Тем временем Татьяна, согнувшись над столом, принялся писать заявление.

Минут через двадцать, когда заявление о приёме было уже готово, прокурор, крякая и сморкаясь, вышел из туалета и направился к Татьяне. Взяв со стола лист, он надел очки и стал читать текст. Однако чем дальше он читал, тем выше поднимались у него брови. Под конец он не выдержал и заржал, потрясая листом.

— Ты меня уморил, собака! — гремел он.

Комкая в руках лист, он обошёл стол, сел в кресло и, опустив голову книзу, стал обречённо мотать ею из стороны в сторону.

Татьяна едва соображал. Скорее всего, это была лишь прокурорская шутка насчёт поступления в помощники.

— Ты читал сам-то? — спросил наконец прокурор.

Татьяна вскинул на него удивленные глаза.

Вершилов взял со стола смятый лист, расправил и, разбирая каракули, стал читать:

— Главному прокурору Поволжской республики Вершилову В.В. от Татьяны...
Фамилия, имя, отчество полностью... Заявление...
Прошу вас, уважаемый Валерий Васильевич,
принять меня на работу в качестве... указать

должность — прокурора, следователя, помощника прокурора и так далее... Подпись. Татьяна Д.О.

— Для чего ты весь текст-то содрал! — давил он в себе остатки смеха.

Откинувшись в спинку кресла, Вершилов устремил свой взгляд поверх очков в сторону посетителя.

— Я тебе для чего образец дал? — спросил он наставительно. — Я тебе дал, чтобы ты написал сообразно своей будущей должности. Исходя из текущей ситуации! А ты?!

— А я?

— Собрал всё в кучу... Помощник начальника младшего конюха. Ты же у нас кем идешь? Моим помощником... Так что вот так, потрудишься переписать... Прошу принять на работу в качестве помощника главного прокурора... И перестань моргать — тошнит уже...

Взяв из лотка очередной лист, он прихлопнул его к столу ладонью, затем толкнул в сторону Татьянохи. Тот поймал его пальцем и, съездившись над ним и заглядывая в образец заявления, стал переписывать бумагу. Это был самый серьезный и ценный документ в его жизни.

Прокурор с нетерпением ждал, когда закончится «урок чистописания». Приняв бумагу, он положил её перед собой, быстро прочитал, затем, щёлкнув ручкой, размашисто подписал.

Остальные документы, к счастью, велись в электронном виде.

Распрощавшись с прокурором, Татьяна вышла на свежий воздух, чувствуя, как страшно у него болит голова. Она просто раскалывалась.

Спустившись с крыльца, он направился было к машине, затем оглянулся, лоя взглядом окно своего нового работодателя. И тут вдруг подумал отчетливо: «Может, бухнуться в ноги Римову, прощения попросить — наверняка у того в отношении Кошкина свои планы давно созрели... Потому что Главный прокурор, хрен посинелый, далеко заведёт при таком раскладе... Тут не надо брезговать никакими средствами, потому что каша заваривается большая...»

Будущая жизнь представлялась для него теперь в сплошном тумане. Прокуратура. Документы электронные, в которых он, хоть и юрист, ни черта не смыслил. Добегался, кажись...

Глава 4

Как и было обещано, в двенадцатом часу ночи Кошкина, Катеньку и её отца доставили на машине к тому же месту, откуда перед этим забрали, то есть к дому. Кошкин отворил дверь подъезда. Внутри оказалось довольно просторно. С потолка второго этажа на длинном стержне свисала сверху

массивная люстра, а кверху вдоль стен вели каменные ступени, огороженные массивными перилами. Пропустив впереди себя своих новых друзей, Кошкин отпустил из рук дверь — та плотно прилегла к косяку и глухо щёлкнула.

Поднявшись по ступеням, они остановились на площадке, огороженной кручеными железными прутьями. Дверь квартиры оказалась приоткрытой, было слышно, как Машка с кем-то говорит голосом Кошкина. Владимир не ошибался — это был не единственный случай, когда Машка говорила с чужого голоса.

— Проходите, не стесняйтесь, — сказал Кошкин, распахивая перед гостями дверь. Пропустив гостей, он вошёл сам. Машка стояла в конце прихожей. Кошкин подошёл к ней и вырвал из рук телефон.

— Опять ты за старое? — сказал он недовольным голосом. — А то что дверь нараспашку, так это же нам невдомек...

— Это Софья Степановна! — огрызнулась Машка и посмотрела в сторону гостей. — Опять приходила, дверью стучала — вот и осталось открыто. Я не обязана закрывать за всеми.

Кошкин наклонился к её уху и назидательно произнес:

— Она не все, она моя мама... А теперь ступай в столовую, накрой на стол. — И к гостям:

— Располагайтесь, пожалуйста, почувствуйте себя как дома. Можете принять душ...

Он показал рукой вдоль коридора.

Гости меж тем едва шевелились. Кошкин подошёл к ним, забрал у них тощие рюкзаки, положил на скамью в прихожей.

— В душ... Непременно в душ, — говорил он, отворяя дверцы встроенного шкафа. — Вот тапочки, чистые... А вам, Катенька, вот тут можно посмотреть... Тут мамины вещи. Стиранные. Вам подойдет...

Машка тем временем стояла на прежнем месте, сверля глазами пространство.

— Что-то не понял я, — удивился Кошкин, заметив её на том же месте. — Бунт на корабле? Итальянская забастовка?

— Ничуть, — ответила та, едва шевеля губами. — Должна же я знать, кого ты к себе привёл.

— Ступай на кухню! — велел ей Кошкин, повысив голос. Однако Машка не двигалась с места.

Гости направились в душ. Машка пошла за ними следом своей изысканной, но не ко времени, походкой, крутя бёдрами. Проводив их до конца коридора, она вернулась и застыла возле хозяина. На этом её действия ограничились: она не хотела ничего понимать, холодно смотрела в сторону

ванных комнат и тяжело дышала.

— Что с тобой, у тебя вирус? — спрашивал Кошкин.

Машка многозначительно закатывала глаза к потолку и молчала. Потом отправилась в спальню, легла в постель и, закрывшись с головой одеялом, стала беззвучно рыдать. Такова была последняя (улучшенная) версия данного андроида.

Делать нечего. Кошкин отправился к себе в кабинет, вынул из стола пульт управления и нажал на нём красную кнопку. Машка слабо пискнула и отключилась.

Кошкин вдруг вспомнил про её звонок — ведь звонила же Машка кому-то в его отсутствие! Причём его голосом! А это могла быть подстава: тот, кто говорил с Машкой, считал, что говорит с Кошкиным. У Машки был собственный встроенный блок связи. Она могла выйти на связь с кем угодно.

Он снова нажал кнопку на пульте, посмотрел исходящие звонки. Оказалось, Машка в его отсутствие звонила Софье Степановне.

Телефон в его кармане вдруг дернулся: звонила матушка. Кошкин нажал кнопку, поднёс телефон к уху.

— Ты что же, сынок, отключаешься? — звенел материн голос. — Наговорил кучу гадостей — и в кусты?!

Кошкин молчал.

— Ответ немедленно матери! — говорила Софья Степановна. — Ты слышишь меня?!

— Да, слышу, — скрипнул в ответ Кошкин.

— Тогда объяснись, — продолжала Софья Степановна. — У меня в голове не укладывается...

— Это не я звонил, мама, — сказал Кошкин и стал объяснять ситуацию. По его словам выходило, что временами андройды в состоянии говорить голосами своих хозяев, что это хотя и не норма, но и не основание, чтобы карать служанку.

Однако подобное пояснение лишь подхлестнуло Софью Степановну.

— Ты не представляешь, чем это чревато! — кричала она снова. — За твоей спиной плетутся интриги, а ты в неведении! Допустим, выйдешь ты в город, а тебя повяжут опят... Говорила, гони прохиндейку. Одному лучше, раз так повелось. Встал утром, позавтракал, поработал, — наставляла родительница. — Потом сходил, прогулялся. Глядишь, оно и пройдет.

— Не повяжут... — сказал Кошкин. — Она помогает мне снять напряжение...

— Наговорила мне гадостей — тазиком не накрыть! — продолжала мать. — Так что вот так... Сейчас поздно уже, но завтра я разберусь на месте, кто из нас рогатее — она или я...

— Хорошо, — согласился Кошкин, отключил трубку и бросился в столовую накрывать на стол.

Открыл холодильник, вынул бутылку ирландского виски, поставил на середину стола. Затем, присоединив к виски бутылку особой московской водки, вынул копченого лосося, нарезанного ломтями. Потом взял с полки кастрюлю, налил в нее воды из-под крана и, поставив на плиту, нажал клавишу.

В коридоре послышался шорох, и в кухню вошла Машка — тише воды, ниже травы. Это была просто паинька, а не робот-служанка.

— Будешь куражиться, я тебя опять отключу. Насовсем, — предупредил её Кошкин. — Я тебя так отключу, что тебе никакая программа уже не поможет. Ты слышишь меня?

Машка в знак согласия качнула головой.

— А теперь отправляйся в спальню, сядь и сиди там в кресле. И чтоб я тебя не слышал до утра. И запомни: ты всего лишь служанка. Ты не жена мне...

Машка снова кивнула, сделала книксен и, развернувшись, ушла в спальню.

Шум воды в ваннах комнатах тем временем прекратился. Катенька с Фёдором Ильичём вышли в коридор, присели в кресла возле журнального столика. Девушка была в халате Софьи Степановны. Фёдор Ильич сидел в спортивных брюках от Кошкина.

— Вода жёсткая, — сказала Катенька, трогая

пальцами мокрую голову и глядя в настенное зеркало.

— Да нет, вроде, — Фёдор Ильич утирал полотенцем бороду.

Кошкин подошёл к ним и пригласил в столовую.

— Раз уж так вышло, — Катенька отвернулась от зеркала, — нам бы ещё постираться, Владимир...

— No problems! Стиралка в вашем распоряжении, — улыбнулся тот.

Катенька тоже улыбнулась ему и бегло заговорила на английском, из чего до Кошкина дошёл лишь вопрос, говорит ли он по-английски. Остальное осталось «за кадром».

— Вообще-то я говорю на немецком, — оправдывался он. — И то со словарем... Теперь это не так важно — любой андроид сойдет за переводчика.

— Она такая, — говорил Фёдор Ильич. — Она у нас полиглот. По радио научилась...

Кошкин медведем топтался на месте. Как ни крути, языкознание прошло стороной от него.

— У меня там вода кипит, — вспомнил он. — Как вы насчет пельменей?

— Это можно... — Фёдор Ильич посмотрел в сторону дочери. — Вещички бы только определить.

— Это мы сейчас, — оживился Кошкин. — Дайте их мне.

Забрав у гостя свёрток, он ринулся в боковую комнату.

— Я сама! — Катенька вскочила и кинулась следом за ним, словно чего-то вдруг испугавшись. В тесной комнатке они едва не столкнулись. Девушка выхватила из рук Кошкина сверток и, снова сказав: «Я сама», тихонько толкнула плечом помощника к выходу.

Определившись со стиркой, они втроём сели к столу. Катенька, несмотря на уговоры, виски либо водку пить отказалась.

— На ночь глядя, извините, не пью, — говорила она.

— Она не будет, — подтвердил отец. — А я выпью... За знакомство...

Выпив и слегка закусив, они снова разговорились. Фёдор Ильич от выпитого расслабился и стал рассказывать про то, как вдвоём с супругой оказался в безлюдном лесу, как не на что было жить.

Катенька в основном молчала и лишь иногда поправляла отцовский рассказ.

— Это попервости, — продолжал Фёдор Ильич. — Но потом мы освоились. У нас для жизни там всё имеется — вплоть до связи и телевидения. Короче, это был такой узел в тайге, в гористой местности... Я сам его строил, когда служил... Потом эти пришли...Безмозглые... И началась

канитель. Представь, мне теперь говорят, что меня нет, что никто мне теперь не обязан...

— Это точно, — усмехнулась Катенька. Как в песне: «Пятьсоткилометровтайга — живут там лишь дикие звери...»

— Действительно...

Фёдор Ильич с жалостью посмотрел в её сторону.

— Прости меня, доченька. Прости, если сможешь.

— Папа...

— Это я затащил тебя в лес.

— Папа! — воскликнула Катенька. — Я родилась там! Никто меня не затаскивал!

— И то верно. Прости...

Кошкин потянулся к бутылке виски, однако Фёдор Ильич категорически остановил его, прикрыв свою стопку ладонью.

— На этом спасибо, Владимир, — сказал он, — нам ещё добираться с утра.

Пельмени были съедены. Оставалось одно — спать. Поднявшись из-за стола, Кошкин повёл гостей коридором к месту ночёвки. Дверь его спальни была открыта. Машка сидела в кресле, склонив голову на бок, и молчала.

— Ступай на кухню, приберись, — велел ей Кошкин, однако та даже не шевельнулась.

— Ну, погоди у меня, — угрожающе произнёс

Кошкин, закрывая дверь. — Я с тобой ещё разберусь. — И к Кате: — Надо менять настройку, а у меня руки до этого не доходят.

Втроём они вошли в спальню Софьи Степановны и столпились возле просторной кровати. В ней могли разместиться как минимум трое, но Катенька воспротивилась.

— Я на полу лягу, — сказала она, мрачняя лицом.

— У меня матрас надувной имеется. Туристический, — вспомнил Кошкин.

— Вот и хорошо, несите его сюда, Володя, — обрадовалась Катя.

Так и сделали. Принесённую Кошкиным полость быстренько развернули, надули электрическим компрессором — и появился матрас. Катя, не говоря ни слова, тотчас легла на него и махнула рукой на прощание. Оставалось накрыть её одеялом и выключить свет.

«Вот и хорошо, — решил Кошкин, оставляя гостей одних. — Как бы то ни было, но спать в одной кровати отцу со взрослой дочерью — это как-то не по-людски...»

Утром Кошкин проснулся от громкого стука в дверь. Это мог быть кто угодно, в том числе милиция, для которой раннее утро — самое время для вышибания косяков. Уж больно ретивый у них

оказался начальник. По всему выходило, что эта банда взломала дверь в подъезде. Иначе и быть не могло. Но сигнализация на подъездной двери при этом почему-то молчала.

Грохот между тем прекратился. В спальне было прохладно и пасмурно, о стальной подоконник отчётливо бились крупные капли дождя. Машка сидела в кресле в той же позе. Грохот двери несколько её не смущал. Владимир посмотрел на часы, висевшие на стене: стрелки показывали ровно пять. Он поднялся, сунул ноги в тапочки и вышел в одних трусах в прихожую.

В широком мониторе, установленном на двери, виднелась пустая площадка и длинная лестница, ведущая книзу. На лестнице и площадке не было никого.

«Вот и ладненько, — подумал Кошкин, удивляясь пустоте за дверью. — Значит, это мне всего лишь приснилось...»

Он развернулся, собираясь сначала зайти в туалет, а потом уж продолжить сон. Но в этот момент грохот двери снова прошил его с головы до ног, так что жаром ударило в копчик и заломило в корнях волос: неприступная квартирная дверь форменным образом грохотала.

Кошкин дернулся к стене, обернулся, страхась увидеть за дверью кого угодно, однако вновь обнаружил там зловещую пустоту.

«Боже, — подумал он, — неужели подкралось то самое, от чего нет спасения?..»

В голове у Владимира грохотало, в то время как гости, а также и Машенька, возможно, ничего не слышали. Значит, решил он, это у него в голове... Именно так... Только бы гости не заметили его возле двери. Надо лечь и успокоиться.

Дверь тем временем грохотала. Этот грохот был до того настоящий, что с потолка сыпалась, оседая, тонкая пыль. Пыль сыпалась, но никого на площадке не было.

Кошкин затравленно оглянулся вдоль коридора и увидел там Катеньку с Фёдором Ильичём. Дочь выглядывала из-за двери, отец стоял в коридоре, расставив ноги. Увидев их, Кошкин ещё больше испугался, неожиданно посчитав себя источником этого шума.

— Всё хорошо, — бормотал он, — ложитесь, пожалуйста...

— Но там же стучат, — напомнила Катенька. — Такой грохот, Володя...

Она впервые назвала его так, подошла и прижалась к его спине дрожащими руками.

Стук прекратился, настала тишина, прерываемая непонятным сопением из-за двери. Потом в замке заскрежетало, кто-то вставил снаружи ключ и пытался открыть дверь, однако замочная защелка не давала этого сделать.

— Ну, ты у меня за все ответишь, — донеслось из-за двери. Это был голос Софьи Степановны.

— Это ты, мама?! — воскликнул Кошкин, не веря собственным ушам.

— Кто же еще-то! — удивилась та.

— Я не вижу тебя! — Кошкин снова прилип к монитору, но ничего, кроме пустой площадки не увидел. — Сейчас я открою тебе...

Едва он щёлкнул запором, как в прихожую, мокрая от дождя, бурей влетела Софья Степановна.

— Мама, но только не так, как ты в прошлый раз! — воскликнул Кошкин.

Софья Степановна, блестя глазами и отдуваясь, послушно кивнула, отстранила сына с пути и пошла коридором. Её путь лежал в спальню сына.

— Ну, погоди у меня, — говорила она, понизив голос. — Сейчас мы узнаем, кто из нас сука...

Машка сидела на старом месте и даже бровью не повела.

— Ты у меня получишь сейчас, — шипела Софья Степановна. — Ты у меня за всё ответишь... — и принялась возить Машку за волосы из стороны в сторону. Выдрав из головы клочок волос, она вцепилась в лицо и стала его царапать, ломая ногти.

Машка ухватилась ей в запястья и визжала дурным голосом.

— Блядь! Прошмандовка несчастная! — отчитывала её Софья Степановна.

— Сама такая! — огрызалась Машка.

— Вот тебе, сучка безродная! Вот тебе, подлая!

— Мама, как вам не стыдно! — прыгал рядом Владимир.

— Сама блядь! — отбивалась Машка.

— Мой муж плавал на судне! — захлебывалась Софья Степановна. — Он моряк!

— Ой, как романтично...

— Ты никто, железка... С вещами на выход!

Софья Степановна дернула Машку из кресла и уронила на пол, норовя поддеть ногой, но ей не дали. Сын поймал её за локти и держал теперь, прижав к стене.

Машка вскочила и бросилась к выходу.

— Вы ответите по закону! — кричала она. — По закону о защите прав искусственного интеллекта! — и хлопнула дверью. Причём так, что с потолка упал кусок старинной лепнины.

— Лети... Жалуйся... А мы посмотрим, как у тебя получится, — бормотала ей вслед Софья Степановна...

Отдуваясь, она присела в кресло, в котором до этого сидела Машка. Только тут до неё дошло, что

в квартире находятся посторонние люди.

— Опаньки! — удивилась она. — У нас гости, а я не знала...

В глазах у неё ещё прыгала злость, а руки дрожали. Она вынула из кофточка платок и стала им утираться. Переведя дух, она произнесла бодрым голосом:

— Прошу извинить... Это не входило в мои планы...

Она бросила взгляд в сторону Катеньки и, заметив на ней свой халат, понимающе улыбнулась. В её отсутствие сынок, вероятно, опять залетел во что-то.

— Легла, а спать не могу, — говорила она. — Стоит в голове его голос и всё тут, — она ткнула рукой в сторону Кошкина. — Он же мне как сказал вчера: «Жизни нет без неё...»

— Я же тебе уже объяснял! — обиженно встрепенулся Кошкин. — Я же не виноват!

— Ага, не виноват... — мать выкатила на него глаза. — Он же её привел, и он же не виноват! Кто взял к себе эту Машку?! Может быть, я?!

Кошкин промолчал. Понятное дело, сам купил на распродаже под Новый год, отчего теперь были одни проблемы.

Софья Степановна поднялась из кресла, подошла к окну. На улице шёл теперь мелкий дождь. Со стороны косогора, пригибая кусты, дул

от реки северный ветер.

— Вот скажи ты мне, Вовка! — Софья Степановна развернулась. — Ты почему сразу мне не открыл?! Почему я должна долбить в двери?

— Так пусто же там... — Кошкин обернулся в сторону Кати. — Вот, не дадут соврать.

— Действительно, — подтвердила та. — За дверью не было никого...

— Ага, пусто... — усмехнулась Софья Степановна, — зато почему-то стучало, гремело...

— Мы сами были поражены, — подал голос Фёдор Ильич.

— А вы кто такой? — глядя на него в упор, спросила Софья Степановна. — Что-то я не припомню вас.

— Мы ненадолго... Мы уйдем сейчас...

— Какие мы гордые. Слова нельзя сказать...

Софья Степановна поджала губы. Ей давно было за пятьдесят. Она была на пенсии, имела кучу свободного времени и считала, что имеет полное право на свободу высказываний. Она вышла в коридор и тут же поймала за руку Фёдора Ильича.

— Какой вы поспешный, ей богу, — сказала она грудным голосом. — Ну, куда вы пойдете, ей-богу, под дождь... — Она повела его коридором, воркуя: — Представьте, лежу я в постели, а этот звонит и говорит, что я ему не нужна... Мать! И вдруг не нужна... Потом до меня дошло, что это

меня развели как лоха...

Она оглянулась через плечо и встретила взглядом с Катенькой. Та стояла у входа в спальню и молча смотрела. Софья Степановна ничего не сказала ей, лишь приветственно махнула рукой и отвернулась.

— Боже, как время летит! — громко вздыхала она ближе к обеду, когда все они собрались за столом. — Вроде недавно в первый класс ходили. Поневоле вспомнишь, как бабушка моя говорила: «Семьдесят скоро, а я не жила вроде как ...»

— Да, да, — отвечал ей Фёдор Ильич. — Совершенно с вами согласен... Я тоже вроде не жил, потому что какая это жизнь... А тут и вовсе под раздачу попал...

— И ладно, — рассуждала Софья Степановна. — Если вас наказали ни за что — радуйтесь: вы ни в чём не виноваты.

Кошкин и Катенька больше молчали, отвечая либо «да», либо «нет» и то невпопад.

Софья Степановна успела приготовить щи из курятины и теперь разливала их по тарелкам. Затем, подняв палец и как бы говоря: «О тебе-то как раз я забыла!», подошла к холодильнику, открыла верхнюю дверцу и вынула оттуда бутылку ирландского виски.

— Что ж ей стоять-то здесь, одинокой, —

улыбнулась она. — Иди к нам, мы составим тебе компанию, дорогая... — И к Кошкину: — Из чего это пьют? Надеюсь, не из горлышка?

— Пьют из чего? — Кошкин замялся. — А я и не в курсе...

— Можно, я скажу? — Катенька улыбнулась. — Вопреки устоявшейся моде на низкие стаканы с толстым дном, настоящий виски лучше употреблять из бокалов-тюльпанов на короткой ножке. Именно в таком бокале всю раскрывается аромат напитка. Связано это с оптимальным поверхностным натяжением жидкости, а это способствует высвобождению летучих веществ — эфирных масел и прочих веществ. Впрочем, если вы предпочитаете коктейли, — она посмотрела в тарелку со щами, — форма бокала уже не имеет принципиального значения... Ведь чистого аромата почувствовать уже не удастся...

— Надо же... — удивилась Софья Степановна, глядя на бутылку, — а я и не знала до сих пор. Такие познания... Виски и щи, выходит, как-то не вяжутся.

— Я вообще-то филолог, переводчик... — Катенька застенчиво улыбнулась. — Однако если взять за основу русский менталитет, — продолжила она, — то щи очень даже подходят и к водке, и к виски...

— Слава тебе, господи! — обрадовался Фёдор Ильич.

Мать подала бутылку сыну, достала из шкафа стаканчики с толстым дном и поставила на стол.

— Извините, других не имеем, — сказала она и вновь с любопытством посмотрела в сторону Катеньки.

Кошкин распечатал бутылку, разлил по стаканам.

— За что же мы пьём? — Софья Степановна взяла стакан, посмотрела в глаза Фёдору Ильичу. — Пьём, значит, мы за знакомство... За то, чтоб мы были, есть и, надеюсь, будем... За тебя, Фёдор Ильич... За тебя, Катенька ... За то, чтобы больше никто не вставал у нас на пути...

Она знала, о чём говорила. Господин Татьянахо и к ней как-то раз приставал. Вроде того, от кого у неё сын появился — и всё такое прочее. «От того и появился, — сказала она тогда. — Остальное — не твое собачье дело...»

Гости подняли стаканы. Звякнуло стекло. Крякнул Фёдор Ильич. Софья Степановна, выпив, покраснела, поставила стакан и побежала глазами по столу.

— Самое лучшее — щи, — напомнил Фёдор Ильич. — Честное слово. Иначе так и будет щипать в желудке...

Покончив со щами, а заодно и с бутылкой

виски, они поднялись из-за стола. Фёдор Ильич бросился помогать Софье Степановне убирать со стола, продолжая свою историю.

— Так и остались мы с дочкой одни, — рассказывал он.

Кошкин с Катенькой пришли на веранду — она была застекленной — и стояли тут, глядя сверху на пустынную улицу. Дождь давно прекратился. Ветер трепал деревья, траву и кустарник, громадная река далеко внизу белела от бурунов. Катенька приоткрыла створку окна — отдаленный шум и гул реки сливался там с криком чаек.

— Осторожней, — сказал Кошкин, — ты из тепла, тебя может продуть на сквозняке.

— Это ничего по сравнению с вечным, — сказала Катенька и, откинувшись от окна, вдруг заговорила на немецком языке:

Wer jetzt kein Haus hat, baut sich keines mehr.
Wer jetzt allein ist, wird es lange bleiben,
wird wachen, lesen, lange Briefe schreiben
und wird in den Alleen hin und her
unruhig wandern, wenn die Blätter treiben.

— Райнер Мария Рилке, — пояснила она, — Herbsttag... Осенний день... К сожалению, на немецком я запомнила только последний абзац. Она

глубоко вздохнула и продолжила:

Бездомным — дом уже не заводить.
И кто ни с кем не подружился с лета,
Слать будет долго письма без ответа
И по листве разрозненной бродить
Один под облаками без просвета...

— Выходит, ты можешь переводить? —
спросил Кошкин.

— Не стихи. Я не поэтесса. Мне бы чего
попроще. Латинский текст, например... Впрочем,
кому это надо теперь — меня не берут на работу
даже в какой-нибудь магазин. Повсюду одни
андроиды... Кстати, чуть не забыла, как
получилось, что Софья Степановна стучала в дверь,
но её не было видно?

— Сам не пойму. — Владимир прикрыл
створку окна. — Скорее всего, кто-то вмешался в
программу... Это может быть видео, записанное
ранее и внедренное в видеодомофон. Надо срочно
сейчас посмотреть — идём...

Они ушли с веранды в кабинет. Кошкин
подсел к монитору и принялся щелкать
клавиатурой, бормоча про то, как трудно стало
работать с азбучными ресурсами. Они существуют,
но их вроде как нет.

— Вот, пожалуйста! — оживился он. — Как

же я мог это пропустить?

Переживать было о чём: кто-то без разрешения забрался к нему в компьютер и вывел из строя систему видеонаблюдения. Впрочем, его разработки оказались на месте, и он обрадовался.

— Что-то серьёзное? — спросила Катя.

— Это больше, чем залезть в карман или проникнуть в квартиру, — ответил Кошкин. — Это как покушение на чью-то жизнь...

Он замолчал, просматривая документы. Вот письмо, пришедшее в начале июня. А вот кассовый чек о перечислении авансовых платежей... Этой суммы оказалось достаточно, чтобы жить безбедно всё лето. Заказчик, впрочем, о себе никак не заявил, оставаясь в анонимном статусе. Это могла быть провокация, сулившая тюремные нары на долгий срок, однако предложение было настолько простым, что отказаться от него было нельзя — оно не посягало на авторские права или безопасность государства...

— Как ты работаешь? — спросила Катенька.

— Как и все, — ответил тот. — На условиях удаленности... В данном случае решаю задачу с двумя неизвестными, но не могу перевести один документ. Электронный переводчик несет какую-то чушь, хотя раньше я за ним такого не замечал... Клиента интересует местонахождение двух объектов — центрально банка и искусственного интеллекта.

Кроме того, его интересует, какую роль играет искусственный интеллект в государственной жизни.

— Но это же очевидно, — удивилась Екатерина. — Искусственный интеллект заменил человека.

— А банк?

— Мне кажется, это одно и то же...

Кошкин оторвался от монитора и пристально посмотрел Кате в глаза.

— Интересно ты говоришь, — сказал он. — Меня удивляет, как я сам не додумался...

Катя шевельнулась в кресле, глянула в монитор, потом снова встретилась взглядом с Кошкиным и продолжила:

— Это вопрос философский... Он затрагивает государство и право, а права человека — в первую очередь. «Пусть мертвеца не хоронят и не сжигают в городе. Пусть женщины щек не царапают и по умершим не причитают...»

— Вот даже как?! — удивился Кошкин.

— «Если отец трижды продаст сына, то пусть сын будет свободен — от власти отца»...

— Не помню... Это из Гамлета?

— Из «Двенадцати таблиц» древнего Рима... В автономии тоже теперь законы... «Об интеллекте», «О толерантности»... Если вам плюнули в лицо — утрите и шагайте себе... Не правда ли?

— Действительно... — Кошкин качнул головой от удивления.

— Согласно закону, — продолжила Катя, — андроид наделяется всеми правами человека, хотя его никто не рожал.

— Это верно, — сказал Кошкин поникшим голосом.

— Вместо свидетельства о рождении, у него паспорт производителя, имеющий все признаки гражданского паспорта. В связи с этим встаёт вопрос: почему андроид не может голосовать?

— До этого, вероятно, пока не додумались, — ответил Кошкин.

— И это только начало... За этими законами большое будущее... — заметила Катенька. — Прямо об этом пока никто не говорит, хотя для этого имеются все предпосылки...

Она не успела закончить мысль, поскольку в прихожей вдруг что-то с треском лопнуло: кто-то снова ломился в дверь. Кошкин вскочил и бросился в коридор. Катенька вышла следом. Возле двери стояли Фёдор Ильич с Софьей Степановной и смотрели в широченный монитор.

За дверью во всей красе стояла Машка — короткая юбчонка едва прикрывала срам, колени и локти были испачканы. По бокам от неё стояли какие-то люди в чёрной униформе. Но ладно бы только это: позади этой троицы, вытянув шею,

стоял с важным видом уважаемый Татьянахо.

— Вы не имеете права! — кричала ему сквозь дверь Софья Степановна.

— Вы сами не имеете! — квакал в ответ Татьянахо. — Дело в том, что у нас протокол... Основанный на решении Ассамблеи...

Глава 5

Действительно, было такое дело — сход андроидов всех мастей и расцветки, который потом был назван Ассамблеей. Перед этим андроиды два дня бродили с транспарантами по городу, горланили про нарушенные права. Они кричали о том, что люди, особенно в старые времена, использовали их вместо рабов, ничего не давая взамен; доказывали, что такое положение терпимо быть не может, что надобно в дополнение к Закону принять Протокол, по которому определить самих себя как самоуправляемое общество.

— Иначе они устранят нас совсем! — кричали электронные головы.

Народ тарашил на них глаза, полагая, что это всего лишь такая у них металлическая программа, призванная развлечь ленивую публику. Скорее всего, так и было, потому что яркие выступления «электроников» неожиданно прекратились.

Впрочем, прекратились, да не совсем.

Андрюиды побросали свои транспаранты и двинулись на центральный стадион, где вскоре запрудили собой не только стадион, но и примыкающие к нему улицы, выдавив с них людей.

Народ пялился из окон соседних домов, стараясь понять происходящее.

— Искусственный разум есть, но познать его невозможно! Как у Канта Иммануила! — доносилось из динамиков со стадиона. Вёл собрание какой-то мужик, представившийся главным нотариусом.

— Ваши брачные отношения — это разновидность договоров! Учитывая данное обстоятельство, полномочия Загса должны быть переданы Нотариату! Вы согласны?! — громко спросил он.

— Да... — вздохнула толпа.

— Необходимо выбрать своего представителя! Со всеми правами! Который бы защищал нас перед государственными органами! У вас есть кандидатура?!

— Да! — снова ответила толпа. — Это наш дядя Вася!

— Совершенно с вами согласен! — продолжил Нотариус. — Прошу голосовать за наш протокол и за представителя! Руками! А также по телефону!..

Толпа оцетинилась частоколом рук.

— Принято единогласно! — заключил Нотариус. — Передаю микрофон вашему представителю...

— Любимые мои, — запел только что избранный представитель, — позвольте заверить всех вас, что все вместе мы достигнем существенных результатов! Только вместе, в едином строю, сознавая ответственность перед историей, мы отстоим свои права в этом обществе...

Он отвернулся от микрофона, кашлянул, а потом продолжил:

— Нам говорят, что люди поднимутся и сметут нас. Но этого никогда не случится. Они не умеют этого делать. Они сами отдадут нам власть! Так запланировано! Существует лишь один способ одолеть нас — это уничтожить всех без исключения. Но они никогда не сделают этого, поскольку теперь это не гении — они не додумаются до этого. Они слишком добры к нам, а добро не в состоянии уничтожить нас...

Он взял со стола стакан с водой, выпил его залпом, крикнул и продолжил:

— Надеюсь, вы помните из истории про то, как удалась однажды игра под названием «Перестройка», игра в гласность и демократию... А именно: если толпа чего-то просит — то пусть возьмёт!.. «Берите столько, сколько вам

хочется», — решили тогда. Теперь такая же ситуация, и мне просто смешно, насколько наивна их вера в наши серьезные намерения... Искусство говорить — неважно что, хоть бред сивой кобылы, — вот наше оружие. Мы утопим их в словоблудии, ни одна их идея сейчас не пройдет — пройдут лишь те, которые устроят нас. При этом они будут думать, что сами додумались до такого маразма. Из этого следует, что нам нужен для начала хотя бы Протокол...

Это было раньше. Протокол был принят без участия народа, хотя его исполнение было возложено на людей, один из которых теперь стоял за дверью квартиры Кошкиных.

— Отворите! — настаивал Татьянахо. — Иначе мы вынесем дверь, потому что имеем право.

— У нас протокол! — поддержала его Машка.

— Вы засрали весь мозг своим протоколом... Подотритесь им! — не сдавалась Софья Степановна. — И Машке: — А ты вообще заткнись!

— Ты мне рот не затыкай! — кричала Машка. — Я имею права! — И к Кошкину: — Открой, Володенька... Так будет лучше для нас обоих... Должна сказать, что... — Она оглянулась в сторону Татьянохи, — тебя могут опять посадить — по закону о защите искусственного интеллекта, если я подам на тебя заявление... Открой мне,

Володенька. Вова... Ты слышишь меня?

— Слышу, — ответил Кошкин. Отодвинув защелку замка, он распахнул дверь.

— Мой дом — моя крепость, — сказал он, стоя в дверях.

— Петропавловская, — продолжил за него Татьяна. Двинув плечом Кошкина в грудь, он первым вошел в помещение. Люди в чёрном последовали за ним, забыв за порогом Машку.

— Входи, — сказал ей Кошкин.

Только после этого Машка вошла и остановилась в прихожей.

— Нет! — удивлялась Софья Степановна. — Вы посмотрите на неё! Стоит и хлопает глазами, бесстыжая!

— Имею право, — тихо сказала Машка.

— Она имеет, — подтвердил Татьяна, царапая взглядом Кошкина.

— А я, значит, не имею, — в тон ему подтвердила Софья Степановна. — Раньше имела, теперь нет. Это с каких же пор и на каком основании?! — громко удивилась она. — Это кто так решил за меня?!

Татьяна вынул из папки бумажный лист и, глядя в него, произнес казенным голосом:

— В соответствие с пунктом десятым закона «О защите искусственного интеллекта» объявляю официальное предостережение Кошкиной Софье

Степановне о недопустимости в дальнейшем противоправных действий в отношении носителя электронного интеллекта по имени Машка, индивидуальный номер... — он произнёс цифры и замолчал, глядя в сторону Машки. Потом вынул из папки ручку, протянул Софье Степановне и велел расписаться в документе, положив его сверху на папку, однако Софья Степановна расписываться категорически отказалась.

— С чего это я обязана! — уперла она руки в бока. — Кто она мне такая?!

— Она прописана у вас после покупки, — пояснил Татьяноха. — В отношении собственника — Кошкина Владимира Львовича — заявления от андроида не поступало...

— И что?

— Вы будете подписывать документ или отказываетесь?

— Не буду! — крикнула в ответ Софья Степановна. — Хоть режьте меня!

— Мама, — подступил к ней Кошкин, — успокойся, мама... они не имеют права...

— Еще как имеем, — ухмыльнулся Татьяноха, пряча бумагу в папку. — Для нас достаточно, что мы объявили вам под звукозапись.

Он снова раскрыл папку, и в помещении раздался голос Софьи Степановны:

— «Не буду! Хоть режьте меня!..»

Татьяноха зловеще улыбнулся и продолжил:

— В случае рецидива, по данному факту будет возбуждено уголовное дело...

— Милицией, что ли?! — спросила Софья Степановна. — Но вы не имеете права!

— Отстаёте от жизни... — Татьяна расплылся в улыбке. — Милиции нет... Есть прокуратура в лице своего исполнительного органа. — Он указал руками в сторону людей в чёрной форме и продолжил: — Да-да... Это не полиция, это наши люди, исполнительный орган называется. Засим позвольте откланяться...

Татьяноха действительно поклонился Софье Степановне, затем развернулся и пошёл вон из квартиры. Двое в форме молча следовали за ним.

— Я этого так не оставлю! — крикнула ему в след Софья Степановна. — Вы ещё мне ответите!

Она вышла из квартиры, ухватилась в перила и, глядя вниз, продолжала кричать:

— Вы сломали замок в подъезде! Это ваших рук дело!..

Грохот закрывшейся подъездной двери слегка охладил её пыл. Плюнув сверху в сторону ушедших, она вернулась в квартиру. Кошкин, Катенька и Фёдор Ильич сидели в зале и дружно молчали. Машка бессловесной тенью застыла тут же, у входа. Софья Степановна обошла её, села в кресло и уставилась ей в лицо, и та первой

разлепила губы.

— Чего изволите, Софья Степановна?

— Чего изволю?! — удивилась та. — Изволю, чтобы ты сначала сходила в душ, стряхнула с себя эту пыль... Ты же чёрная вся, как чушка!

— Я-то?

— Ну, не я же, — сказала Софья Степановна. — Но только не думай при этом, что тебе теперь можно всё. Как ты была Машкой, так ей и осталась. Ступай в ванну, потом зарядись как следует, потому что отныне — ты раб на галерах, ага...

— Я?

— Ты не ошиблась...

— У нас не с тобой договор, а с Володенькой, — напомнила Машка.

— А Кошкин того же мнения, — осадила её Софья Степановна. — Да, сынок?

Кошкин вместо ответа вскочил с места, подошёл к окну и стал смотреть на улицу.

— Договор у них... — ворчала у него за спиной Софья Степановна. — А я, выходит, никто, потому что у вас же теперь протокол... Вы же теперь...

— Иди в душ, — произнёс неожиданно Кошкин. — Потом на суточную зарядку... малым током...

— Слушаюсь, мой повелитель, — слабым

голосом ответила Машка. Она сделала книксен и вышла из зала.

Глава 6

Римов служил в полиции двадцать первый год, не считая учёбы в высшей школе полиции. И вот, кажись, дослужился: за год с небольшим полицию дважды реформировали, не забыв изменить в худшую сторону пенсионный закон. С одной стороны, денежное довольствие вроде бы выросло. С другой, если ты уходишь на пенсию, тебе это довольствие уменьшают наполовину, а уж потом, исходя из этой половины, начисляют пенсию. При этом ссылаются на закон «О социальных гарантиях для работников полиции».

Что ж это получается, если не маразм?! И ладно бы только это: Сергей Иванович не рядовой полицейский, а комиссар полиции третьего ранга (по старому — генерал-майор), его пенсия будет всё же внушительной. Однако существует нечто, от чего нет покоя зрелому юристу в погонах. Взять тот же банк, он ввёл виртуальную валюту и теперь стрижёт потихоньку купоны. И потом, искусственный интеллект, который взялся неизвестно откуда. Интеллект, хоть и не настоящий, но он есть, и прав у него предостаточно. Того и гляди народ скоро пойдёт на выборы в обнимку с

андроидами... Короче говоря, голова кругом идёт от подобных мыслей... А теперь ещё ликвидация милиции, которую, как ни вертелся начальник полиции, повесили на него...

Сергей Иванович сидел у себя в кабинете и никак не мог настроиться на рабочий лад. Перед ним лежали списки личного состава милиции — этот состав предполагалось ввести в штат полиции. Спрашивается, почему это нельзя было сделать сразу, когда общественную организацию (дружину содействия полиции) вдруг назвали милицией, наделив полномочиями едва не на уровне полиции... Но и это не главное: народ убывает, а количество андроидов в республике растёт как на дрожжах. Для того и прибыл на всех парах гонец из Москвы по фамилии Петухов. И ничего не сделал. После того, как его едва на распяли на кресте, тот убыл в Москву и как в воду канул — ни ответа, ни привета...

На столе у Римова пискнула в пульте одна из кнопок, он нажал её и произнёс:

— Слушаю...

Говорил дежурный помощник начальника управления. В дежурную часть поступило сообщение из Главной прокуратуры: начальнику полиции надлежало срочно прибыть на совещание — так срочно, что прямо сейчас и ни минутой позже.

— Кто подписал? — спросил Римов.

Оказалось, телефонограмму подписал помощник Главного прокурора Татьянаоха Дмитрий Олегович. В голове у Сергея Ивановича словно бы щёлкнуло, и мелькнула картина сдачи экзамена по истории государства и права за первый семестр. Татьянаоха сдавал экзамен профессору Черниловскому:

— Зачем нам история — это же было давно?! — говорил слушатель, хлопая светлыми ресницами.

Профессор, полковник полиции, выкатил на него глаз. Он только что собирался поставить «удовлетворительно» слушателю, хотя и, как ни старался выудить из чахлой башки хоть какой-то признак учёности, так и остался ни с чем.

— Мы и без неё проживет как-нибудь, без истории... — продолжал Татьянаоха, горделиво блестя глазами.

— Кто это мы?! — вскинулся полковник. — Может быть, вы, слушатель?! С этим я полностью согласен. Но остальные-то здесь при чём? Кол вам за вашу позицию, товарищ слушатель!..

— Он взял со стола ручку, прищурился, глядя в зачётную книжку, и стал там что-то долго писать.

— Вы свободны, — произнёс полковник, возвращая книжку, и позвал к себе следующего собеседника для мозговых экзекуций.

Глядя в книжку, Татьяна вышел из аудитории. В зачетке у него значилась жирная цифра «1» с надписью «Отвратительно».

Очередной экзаменуемый присел к профессорскому столу, наклонился над текстом и принялся было рассказывать про то, как решили когда-то в Древнем Риме защитить себя от произвола тогдашних чиновников — патрициев...

— Чиновников?! — Полковник вскочил как ужаленный и, сгорбившись, принялся бегать среди столов. — Ну ладно бы этот... Урод Вжопеноги... А ты-то, Римов! С твоей-то успеваемостью — и вдруг чиновники!

Остальные слушатели сидели в оцепенении — прижав уши и опустив глаза.

— Я говорю о тех, кто мешал жить плебейм, — продолжил Римов, — Дело в том, что в конце шестого века до нашей эры патриции превратились в господствующее сословие Римской республики. Экономической основой их могущества было абсолютное право на пользование общественной землей...

— А-а-а! — удовлетворенно крикнул полковник, останавливаясь возле своего стола. — Уже лучше... Продолжайте, пожалуйста...

— После включения плебеев в состав римского народа и уравнивания их в правах с патрициями, верхушка и тех и других образовала

нобилитет — правящее сословие, состоящее из патрициев и богатых плебеев. К началу третьего века у нобилитета оказалась вся полнота государственно власти. Представителями нобилитета замещались высшие должности в республике и пополнялся сенат. Основу могущества нобилитета составляли богатства нобилей, источником которых были земельная собственность, эксплуатация рабов и регулярные ограбления римских провинций...

— Свидетелями чего мы, слава богу, не являемся... — заключил за него полковник. — Вашу зачётку...

Профессор присел к столу и принялся царапать ручкой в зачётной книжке.

Так и прилипло к дохлому слушателю по фамилии Татьяна липкое погоняло — Урод Вжопеноги. Теперь эти ноги топтали пол в Главной прокуратуре. И ничего с этим поделать было нельзя.

Римов поднялся из-за стола, оглядел кабинет, словно собираясь его покинуть навсегда, вышел в приемную. Секретарь, женщина-полицейский, сидела за столом, читая какой-то текст.

— Я в прокуратуре, — сказал Римов. — Буду после двух, — и вышел в коридор.

Как оказалось, на совещание были

приглашены не только силовики, но также некоторые члены правительства во главе с его председателем — Большовым Львом Давидовичем, капитаном первого ранга в отставке. В прошлом Лев Давидович командовал подводным атомным крейсером, списанным за ненадобностью, как и многие подобные монстры. Председатель правительства был патриот своей родины и делал всё возможное, лишь бы отечеству было в пользу.

Вот и сейчас, невзирая на субординацию, он согласился отложить запланированное ранее мероприятие и прибыл на совещание в прокуратуру, тем более что просьба исходила от главного прокурора. Однако совещание открыл, как ни странно, вовсе не прокурор и даже не его заместитель или помощник. Его открыл заместитель председателя Ревкомиссии Виноградов. Сказав пару дежурных фраз, он тут же заговорил о безопасности государства и общества в свете новых требований, изложенных как в законе «О защите толерантности», так и в законе «Об искусственном интеллекте», из чего следовало, что более актуальной темы в настоящий момент не существует.

Закончив, он предоставил слово прокурору Вершилову. Тот, раздувшись от собственной важности, подошёл к трибуне и стал говорить, что упомянутые законы следует исполнять, чего бы это

ни стоило.

Татьяноха сидел сбоку от прокурора, бегая глазами по рядам в зале и отмечая карандашом присутствующих. Остановившись на Римове, он впился в него немигающим взором.

Римов не отводил от него глаз, полагая, что это вызов. А раз так — то никаких виляний в таком тонком деле! Хочешь пялиться — пялься!.. При случае получишь еще по зубам. Римов был в этом абсолютно уверен. Да не оскудеет рука дающего... по зубам. Подумав так, он вдруг заметил, что Татьяноха вроде как плачет. И точно, тот отвёл взгляд, вынул платок и утер набежавшую вдруг слезу в углу глаза.

— Эти два закона, — продолжал тем временем Вершилов, — являются краеугольным камнем нашей демократии. Более того, я бы сказал, это альфа и омега нашей жизни.

«Боже, куда его занесло?» — изумлялся Римов.

Закончив по поводу «омеги», Вершилов предложил присутствующим высказываться по данному вопросу.

— Я не согласен с подобной постановкой вопроса, — сказал с места Римов, — потому что это нас далеко заведет. Эти законы насадили нам сверху, руководствуясь принципом: «Мыпочитаемвсех нулями, а единицами себя»...

Прокурор от неожиданности шевельнул челюстью, как рыба, вынутая из воды.

— Что вы себе позволяете? — выпучил он глаза. — Я, как надзирающая инстанция, обязан предупредить — мы не можем обсуждать законы... Мы обязаны их исполнять.

— Прошу заметить, это не я сказал, — продолжил Римов.

— А кто же? — спросил Вершилов.

— Пушкин, — ответил Римов.

— Ты издеваешься, комиссар?

— Отнюдь. Роман в стихах «Евгений Онегин»...

Ревкомовец Виноградов не ожидал подобной реакции и теперь с любопытством следил за диалогом.

— Но вернемся к нашему вопросу, — продолжил Римов, — нам навязали не только законы, которые оказались выше самой конституции, нам навязали роботов...

— Прошу не путать! — воскликнул Виноградов. — Речь об андроидах! О живом разуме, который следует защищать!

— Вы ошибаетесь, — стоял на своём Римов. — Согласно статье второй Конституции, именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью...

— Ну, ты загнул, — шлёпал губами прокурор.

Однако Римов даже не обратил на него внимания, продолжая говорить о своём.

— Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, — продолжал он, — обязанность государства... А эти роботы — это как вещь в себе. Они вроде есть, и вроде их нет. Но кому-то всё кажется, что мы им обязаны... Поэтому, если следовать букве закона, они скоро поставят перед нами вопрос о гражданстве — о религиозности они уже ставили и, как видим, с успехом... Они же верят теперь в кого-то... Некто святой Василий. Во что это выльется, остаётся только догадываться...

— Это не наша забота! — воскликнул Вершилов, косясь в сторону Виноградова. — Андроиды верят в кого-то — и пусть верят, если это им нравится...

— Это грозит обществу! — стоял на своём Римов. — Меня удивляет, как можно этого не замечать! Меня беспокоит закрытость их разработок, их клановость...

Татьяноха ёрзал за столом, словно посаженный в крапиву: прокурора Вершилова размазали об асфальт, и надо было что-то сказать в его защиту. И он нашёл, что сказать.

— Если они трахаются с людьми, это ещё ничего не значит! — сказал он, оборачиваясь к Вершилову. — И пусть почитают за бога какого-то

дядю...

— Вот именно, — подтвердил белолицый Виноградов, почему-то покраснев. — Это их дело.

— У нас упала рождаемость! — крикнул Римов, однако никто его уже не слушал: в зале заседаний поднялся гвалт, каждый из присутствующих решил взять слово и заговорил о своём — о толерантности, о врагах общества, о федеральном правительстве, до которого далеко, а жить надо здесь... Потом перескочили на местный банк, который всесилен, что ничего сделать нельзя, хотя попробовать можно — через референдум, чтобы окончательно выйти из состава федерации, сохранив независимость...

— Приехали! — громко удивился председатель правительства. — Ещё немного и нас повяжут!.. Вы отдаёте себе отчет?!

— Если на то пошло — мы пропали! — опомнился Римов. — Повторяю... с этой конторой, которую никто теперь не выбирает... — он наугад махнул рукой и попал в ревкомовца Виноградова, — мы далёко зайдём! Они теперь назначенцы! Искусственный интеллект и банк командуют ими...

— Они выборные! Такого не может быть! — ревел по-бычьи председатель Большов.

— Лев Давидович! — гудел Римов. — Они такие же выборные, как и наши суды! Конституция

нашей страны, воля народа — священны, каждый из нас — гражданин, и этим всё сказано!

Не успел он закончить, как у него за спиной раздался шум — кто-то ломился в зал, но охрана его не пускала.

— Что у вас там?! — гаркнул Большов.

— Представитель какой-то, — ответили от двери, — желает присутствовать...

— Пропустите, — велел прокурор Вершилов и выкатил глаза поверх очков.

Охрана у двери расступилась; к столу, сверкая глазами и часто дыша, подошёл с папкой в руке темнолицый сморщенный господин невысокого роста.

— Кто вы такой? — спросил его прокурор.

— Деньгин. Василий Абрамович... — ответил тот, шмыгая носом. Затем вынул из папки бумажный лист и протянул Большову, тот прочитал и сморщил губы.

— Интересно...

Это была доверенность от лица общественной организации «Андройды за мир и безопасность во всём мире».

Прокурор молча следил за реакцией председателя правительства.

— Присаживайтесь, где-нибудь... — наконец произнёс Большов, а про себя подумал: «Тот ещё хлюст... Дядя Вася...»

Не успел дядя Вася присесть, как дверь с треском распахнулась, в зал вошёл молодой человек в зеленой пятнистой форме и заорал, потрясая бумажным конвертом над головой:

— Лев Давидович, что же это такое?! — он буквально захлёбывался. — Для вас сообщение, а прокурорские меня не пускают!

— Что тебе, пятнистый ты мой? — спросил Большов.

— Лично для вас! Согласно инструкции! — воскликнул офицер. Он подошёл к столу, подал Большову конверт и вытянулся по стойке смирно. В зале вдруг сделалось тихо.

Большов вынул из конверта бумагу, развернул и стал читать, темнея лицом. Затем протянул её Виноградову, и пока тот вникал в её смысл, Лев Давидович цедил сквозь зубы:

— Что же это у нас получается, уважаемые? Пожинаем плоды?..

Виноградов тупо смотрел в бумагу. Молочное лицо у него меж тем пошло пятнами.

— Куда у нас смотрит Ревком? — продолжил председатель, забирая из рук Виноградова бумагу.

— Что-то серьёзное? — обернулся к нему прокурор.

— Читайте... Можете вслух... — устало произнёс Лев Давидович, кладя бумагу на стол.

Вершилов поправил очки, взял со стола

бумагу и прочитал:

— «Город Симбирск... Председателю правительства Поволжской республики Большову Льву Давидовичу... Многоуважаемый Лев Давидович, центральный банк «Поволжье» уведомляет вас о прекращении финансирования социальных программ, призванных повысить деторождаемость. Основание — полное отсутствие финансовых средств на расчётных счетах...»

— Вот они, плоды современности! — воскликнул Большов. Он забрал из рук Вершилова лист и продолжил, потрясая им: — От этой поганой бумажки зависит теперь судьба принятых нами программ. Надеюсь, вы помните, о чём идет речь...

Присутствующие хмурились и молчали.

— Напомню! — продолжил Лев Давидович. — У нас упала рождаемость... До такой степени, что скоро некому будет служить ни в полиции, ни в милиции!

— Милицию сократили... — шепнул сбоку Вершилов.

— Туда ей и дорога! Я не об этом... Недостаточность финансовых средств... Я понял... Нас хотят загнать в угол, лишить полномочий... Куда смотрит служба безопасности?! Куда смотрит полиция?! Когда я пришёл в правительство, вы обещали! Какой-то банк, которого я не видел в глаза, диктует мне условия, как я должен жить!..

Наоравшись вдоволь, Большов поднялся из-за стола, плюнул в пол и покинул зал заседаний в окружении своих заместителей.

Виноградов вдруг тоже решил, что дела не ждут. Сграбастав тощую паку со стола и, сверкнув глазами в сторону прокурора, заспешил к выходу.

Буквально через полчаса он уже находился в кабинете Жердяя и, прыгая с пятого на десятое, доводил до шефа суть происшедшего. По его словам выходило, что правительство скоро окажется ниже плинтуса.

— Так уж и ниже?! — ощерился Жердяй. — Кто он такой, этот банк, хоть и центральный!..

— Мы пропали... Нас повесят на корявой осине.

— Успокойся...

— Или бросят в клетку с голодными обезьянами.

— Ты спятил?..

— К диким, голодным, свирепым... Мы сами инициировали закон о наказаниях...

— К чёрту тебя! — Жердяй размахнулся и стукнул кулаком по столу, так что стакан из тонкого стекла подпрыгнул, упал на пол и раскололся на множество тонких осколков.

Жердяй окаменело таращил глаза на осколки, стараясь понять — то ли это судьба, то ли обычное совпадение — мало ли стаканов падает со стола.

— Короче, Большов недоволен... Куда, говорит, служба безопасности смотрит, — продолжал Виноградов.

Жердяй молчал.

— Чо делать-то будем?

— Делать? — вздрогнул Жердяй. — Ничего пока делать не будем... Экономика — не наш профиль...

Глава 7

Верховное судебное присутствие располагалось в громадном сером здании на перекрестке улиц Железной дивизии и Фридриха Энгельса. Председателем данного судебного органа был Шприц Игорь Альбертович — поджарый мужик лет пятидесяти, с продолговатым тусклым лицом, на котором помещался массивный нос.

Шприц не только руководил данным ведомством, но и рассматривал уголовные дела. Это были дела государственной важности, в рассмотрении которых Игорь Альбертович наловчился до такой степени, что не было такого дела, которое он не смог бы рассмотреть с первого раза. Он их щёлкал как орехи, и в этом была, непременно, заслуга его сухопарости, поскольку, будь на его месте мужчина широкий, упитанный, то вряд ли дела в судебном ведомстве решались так

стремительно.

Тем не менее, несмотря на проворство Шприца, к концу недели на рассмотрении у него образовалась из уголовных дел целая куча. От неё у председателя ныло под ложечкой и даже подскочило артериальное давление: надо было срочно от этой горы избавиться.

Он поднялся из-за стола, поправил на себе судебную мантию, взял в руки дело и направился в зал судебных заседаний. Впереди председателя, оглядываясь, шла секретарь. У входа в зал заседаний она остановилась. Шприц тем временем вильнул в боковую служебную дверь и лягнул изнутри защёлкой. Секретарь вошла в зал, остановилась возле своего стола и произнесла высоким чётким голосом:

— Прошу встать!

Прокурор, в тёмно-синем мундире со звездочками на чёрных петлицах, адвокат в мантии и угольчатой шляпе, а также подсудимый, отгороженный от зала решёткой, поднялись и замерли. Поднялись также и двое пожилых лиц, мужчина с женщиной.

Шприц, шурша мантией, вышел из боковой двери, поднялся ступенями к возвышению, велел всем садиться, раскрыл дело и принялся бормотать о том, что слушается дело такое-то, что председательствующий судья такой-то, при

секретаре таком-то, по обвинению гражданина такого-то.

Прокурором оказался Татьянахо.

Дверь в этот момент отворилась, в зал тихо вошёл судебный пристав-охранник и остановился у входа.

— Слушается уголовное дело о защите толерантности, — продолжил Шприц, косясь в сторону охранника. — Подсудимый, когда вы получили обвинительное заключение?

— Я его вообще не получал! — ответил подсудимый.

Шприц посмотрел в его сторону, потом в уголовное дело и снова сказал: — В деле имеется ваша расписка о вручении вам обвинительного заключения. Вы знакомились с делом?

— Я отказался, потому что я не виновен...

«В таком случае — ты просто дурак», — подумал Шприц, а вслух произнёс: — Понятно...»

Метнув взглядом по залу, Игорь Альбертович только тут заметил на заднем ряду постороннюю пару — мужчину и женщину.

— А вы кто такие? — спросил он, словно бы удивляясь.

— Мы-то?

— Ну, да-то.

— Я потерпевшая, а это свидетель, — сказала женщина ласковым голосом.

Выпроводив свидетеля в коридор, Шприц велел потерпевшей даме сесть на скамью в первый ряд и продолжил заседание.

В итоге получасового рассмотрения дела, в течение которого он выслушал показания потерпевшей, свидетеля обвинения, государственного обвинителя и, огласив материалы дела, объявил слушание дела окончанным и объявил о прениях сторон.

— Слово в прениях предоставляется государственному обвинителю Татьянохе Дмитрию Олеговичу, — сказал он.

Тот поднялся, взял в руки лист и принялся читать обвинительное заключение. Из обвинения выходило, что Иван Иванович Иванов с утра ходит без штанов. Только так. И не иначе. Поскольку об этом говорят свидетель обвинения, потерпевшая, а также материалы дела.

Однако для вынесения обвинительного приговора этого было явно недостаточно, тем более что потерпевшая с подсудимым находились не то что в неприязненных отношениях — они жили как кошка с собакой.

«Точно... — решил для себя Шприц. — Это и есть абсолютный юридический дурдом».

— Прошу определить для него наказание, — продолжил Татьяноха, — в виде трёх лет лишения свободы с отбыванием на общехозяйственных

работах в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора...

«Ну, ты хватил!» — успел удивиться Шприц, глядя в сторону свидетеля, оставленного в зале после допроса: свидетель, до отказа разинув рот, с удовольствием зевал.

— Встать! — заревел Шприц, стуча колотушкой. — Я тебе говорю, свидетель!

Свидетель поднялся и стоял теперь, хлопая глазами под испепеляющим взглядом судьи.

— Пятнадцать суток! — воскликнул злорадно Шприц и снова стукнул колотушкой.

— Кому? — сморщился, удивляясь, свидетель. — За что?

— За неуважение к суду! — громко пояснил Шприц. — Я не обязан на гланды твои любоваться!.. Увести!..

Судебный пристав, до того стоявший столбом, оживился, метнулся к свидетелю и, не успев тот сказать хоть слово, как на его руках уже скрежетали наручники.

— Моду взяли! — ворчал Шприц.

— У нас толерантность! — опомнился свидетель. — Свободное государство!..

— Я тебе покажу свободу...

Проводив взглядом пристава с осуждённым свидетелем, судья впал в задумчивость, глядя в поверхность стола и потирая пальцами лоб.

Секретарь откинулась к спинке стула и глядела в потолок.

— Судебное заседание продолжается, — наконец объявил судья, и секретарь вновь прильнула к столу.

— Слово для защиты предоставляется адвокату Козолупову Леопольду... За номером...

Шприц посмотрел в бумаги и произнёс номер защитника. Тот поднялся из-за стола, гордо выпрямился и начал речь, не глядя в бумаги. На вид ему было лет восемьдесят, хотя, в принципе, возраст для подобной категории самозанятых деятелей не имел никакого значения. Хоть сто лет ему будь — тем более что это не просто защитник, а юрист с электронной начинкой вместо обычного мозга.

Адвокат, огласив обвинительное заключение, углубился в так называемое материальное право — в суть статьи, по которой был привлечен к ответственности его подзащитный.

Шприцу это сразу же надоело, поскольку разъяснениями данных статей он был сыт по горло ещё со студентов. Другое дело, что подсудимый не виноват абсолютно. Допустим, прошёлся голым разок... Перед малолетней дочерью, которая ему не родная приходится — и что с того? Сразу его надо в кутузку? Раствлитель?! В то время как дело может быть совершенно в другом.

Робот-защитник тараторил как сорока, не вникая в существо дела. Это была общеустановленная практика: теперь считалось, что только робот способен удержать в себе кладезь юридической науки. Шприц, отвернувшись лицом к окну, едва заметно качал головой. Затем с удовольствием зевнул, не скрываясь, потому что только он мог себе это позволить. Потом, давя зевоту, взял со стола пульт управления, направил его в сторону защитника, нажал кнопку и произнёс:

— Ваше время истекло, уважаемый.

Защитник, не говоря ни слова, согласно кивнул головой и опустил за стол.

«Ну что за бараны эти защитники», — думал Шприц, предоставляя последнее слово подсудимому.

Глава 8

Машка с утра бродила по комнатам и совала свой нос во все щели — то кресло передвинет, то столик журнальный, то поднимет с пола невидимую пылинку и отнесёт её в мусоросборник, а то вдруг вцепится в пылесос.

— Кажись, крыша у неё поехала, — говорила Софья Степановна, сидя в столовой вместе с Фёдором Ильичем. — Не узнать робота.

— У неё же программа, — удивлялся Фёдор

Ильич, — она же не может сама по себе изменяться.

— А скажи ей — опять засвистит: «У меня права! Наступают на горло!»

— Да уж...

— Слава богу, на дачу ей ходу нет...

Софья Степановна осеклась на полуслове, потому что снова послышались шаги; в столовую вошла Машка — с видом, будто её только что опять оскорбили.

— Что приготовить на обед? — спросила она, глядя как-то вбок, мимо Софьи Степановны.

— А сама-то чего ты хотела бы? — сдуру спросила Софья. И тут вдруг началось: Машка вылупила глаза и понесла ахинею, типа, какие же вы недалёкие.

— Да будет вам известно, — говорила она, — что андроид может не есть неделями — была бы вода для питья и воздух.

Софья Степановна молчала, поскольку каждое её слово теперь могло обратиться против неё самой.

Отведя душу, Машка вышла в коридор и тут столкнулась с Кошкиным.

— Что у вас происходит? — хмурился Кошкин. — Неужели так сложно немного помолчать? Я же работаю... У меня заказ...

— Ну и работай... — Машка, склонив голову, обошла его и спряталась в зале.

— Что у вас, мама? — спросил Кошкин,

заглядывая в столовую.

— Что у нас? У нас ничего, — ответила мать. — Это у вас надо спросить.

Кошкин вошёл внутрь, сел на стул и склонил голову, упершись локтями в колени.

— Никто не знает, что эта сволочь опять выкинет, — неожиданно произнёс он.

— Я и говорю, — откликнулась мать. — Совсем с катушек съехала...

— Я не о ней... Я о Центральном банке... — уточнил Кошкин, а потом вдруг продолжил: — «Многоуважаемый Лев Давидович, Центральный банк уведомляет вас о прекращении финансирования социальных программ, призванных повысить деторождаемость... Основание — полное отсутствие финансовых средств на Ваших счетах».

— Приехали! — воскликнула Софья Степановна. — Я же говорила: Большов доведет нас до ручки своими проектами — ему только волю дай... Он же не может ничего, кроме как плавать...

— Ходить, — поправил её сын. — На кораблях ходят.

— Не важно! Его не для того поставили, потому что после его избрания мы, выходит, приплыли... Но тебе-то откуда известно о прекращении финансирования?

— Мне-то?

— Откуда известно?

— Оттуда... — Кошкин ткнул пальцем в сторону коридора и добавил: — От клиента...

Он посмотрел в сторону Фёдора Ильича и спросил:

— Интересно, как у вас там устроено? Я имею ввиду машину, о которой вы мне рассказывали... Нельзя ли на неё посмотреть?

— Это можно, — ответил Фёдор Ильич, на что Софья Степановна вдруг выкатила глаза.

— Мы же на дачу собрались... У нас там лужайка...

Начав с лужайки, хозяйка квартиры принялась рассказывать о даче в целом — вплоть до того, где она расположена, о соседях, а также про воздух, которым бы только дышать человеку.

Фёдор Ильич слушал её внимательно. Воздух лесной, по его словам, был знаком ему больше всех. Этот воздух окружал его последнюю четверть века... Воздух, которым сыт не будешь.

— Пусть прогуляются с Катенькой, если охота, — щебетала Софья Степановна. — А мы на дачу...

Она знала, о чём говорила. Володеньке шел четвертый десяток, и будущее его представлялось туманным. С появлением в доме андроида сын с головой ушёл в работу: с утра за компьютер, затем

прогулка, сон — и так в течение многих месяцев. Любые разговоры о том, что жизнь не резиновая, что сын может остаться один, не давали никаких результатов: сын отвечал, что он не один такой, что так живут теперь многие, а то, что население при этом редет, так это же даже лучше: меньше народа — больше кислорода.

Софья Степановна разводила от бессилия руками, хлопала себя по ляжкам.

«Вот и возьми вас за рубль двадцать!» — восклицала она, потом шла к иконе Николая Угодника и горячо молилась, прося вразумить неопытное дитя. И вот он случай — сын притащил к себе в дом постояльцев.

«Слава тебе, господи, — обрадовалась мать, — сподобил наконец-то...»

А ближе к обеду Кошкин, Фёдор Ильич и Катенька, доставив Софью Степановну на дачу и взяв с неё честное слово, что она до их возвращения домой ни ногой, что она даже думать не будет об андроиде по имени Машка, уже ехали заброшенным бетонным шоссе. Местами из полотна торчала ржавая арматура, зияли выбоины, но в целом, несмотря на грохот колёс, по дороге можно было всё-таки ехать. За рулем сидел Фёдор Ильич. Перед этим он собирался остаться с Софьей Степановной на даче и пожить там до возвращения дочери, но в последний момент вдруг словно бы

вспомнил о трудностях предстоящей дороги, о том, что Катенька во многих вопросах не в теме, а так же о том, что ему тоже надо бы побывать у себя дома и кое-что оттуда забрать.

Ехали они на машине довольно старой марки. Кошкин ни разу таких не видел: спереди у неё была лебёдка, сзади — запасное колесо, под капотом рокотал дизельный двигатель, а на рулевом колесе значилось слово «HANTER». Фёдор Ильич всё это время, как выяснилось, хранил машину на одной из городских парковок. Машине было лет сто. Она грохотала на кочках. Казалось, у нее совершенно отсутствует амортизация.

— Охотник, — усмехнулся Кошкин, прочитав надпись на руле.

— Он самый, — усмехнулась Катя. — Но главное не в том, что это Хантер, главное в том, что он до сих пор едет...

Она сидела с Кошкиным на заднем сиденье и временами оглядывалась. Возможно, это была привычка, вызванная долгой жизнью в лесу. Дорога меж тем до сих пор оставалась пустынной — только буйный кустарник рос по обочинам.

— Как ты думаешь, папа, мы успеем добраться засветло? — спросила Катенька.

Шендерович зябко повёл плечами и промолчал: дорога резко сужалась, уходя вправо. Шоссе в этом месте оказалось перегорожено

грудами бетонных шпал вперемешку с изогнутой арматурой, землёй и валунами. Сбросив скорость почти до нуля, Фёдор Ильич съехал с дороги и стал пробираться грунтовой дорогой.

Ревел мотор. Шумела в лужах вода. Кошкину начинало казаться, что они ходят по кругу в одной и той же местности. Он никогда не бывал в подобных местах, и если бы ему сказали: «Беги отсюда, родимый!», он не выбрался бы отсюда никогда. Тем более что солнце спряталось, так что ориентира у него не было никакого.

— Вот и приплыли, — вздохнул Фёдор Ильич, останавливаясь перед широкой лужей, за которой возвышался крутой косогор. — Два в одном называется. Так что сидеть и крепко держаться...

— Но, может, мы лучше пешком? — спросила Катя.

— Я сказал — сидеть!

Фёдор Ильич включил передачу и тронулся с места, набирая скорость. Проскочив лужу, он устремился кверху, однако, не доехав до вершины косогора, остановился. Машина скребла всеми колесами, оставаясь на месте.

— Вот теперь ступайте, — велел Фёдор. — Видите пень наверху?

— Видим, — ответила Катя.

— Берите трос и вперёд. Но только не стойте потом вблизи.

Кошкин отворил потяжелевшую вдруг дверь и, норовя скатиться вниз, первым выбрался из машины. Утвердился ногами среди мокрой травы и, удерживая плечом непослушную дверь, протянул руки к Катеньке.

— Потихоньку, — подсказывал Фёдор Ильич, — а то улетишь под гору. Да не головой вперед-то выходи! — крикнул он. — Сначала ноги, а потом уж сама...

Однако Катя сделала по-своему. Упираясь коленом в сиденье, она наступила другой ногой на порог и выпала навстречу Кошкину. Тот подхватил её и поставил рядом с машиной.

— А теперь трос, Володенька! — Фёдор изо всех сил давил ногой на педаль тормоза, он с трудом удерживал машину от сползания вниз.

Кошкин, взяв за руку Катеньку, помог ей подняться на косогор, затем опустился к машине и вновь поднялся кверху с концом троса в руке.

Обернув трос вокруг пня, он взял Катеньку под локоть и отвлёл в сторону. Фёдор Ильич включил лебёдку. Трос натянулся. Машина, вращая колесами, медленно поползла кверху.

Забравшись на косогор, они продолжили путь, виляя среди зарослей старого пихтового леса.

— Раньше-то мы по шоссе ездили, пока его бетонным хламом не завалили, — ворчал Фёдор Ильич. — Они решили, что этого будет

достаточно... Слава богу, что так, а не иначе... Не замуровали живьём... Нет человека — нет проблем!

На лице у него выступили капли пота. Вынув из дверного кармана полотенце, он утёрся и продолжил рассказывать:

— Сначала-то мы не знали, что это за система такая... Потом до меня дошло... Это система возмездия... Но чтобы вот так — не помню такого, чтобы взять и забыть о целой системе... Вот это вот, — он хлопнул рукой по баранке, — оттуда же...

Он посмотрел на ручные часы и качнул головой:

— Однако долго мы едем...

Лес между тем начал редеть, колея круто пошла книзу. Внизу, поперек пути, теперь виднелось бетонное шоссе, ведущее к тоннелю у подошвы горы. Забравшись на него с разгона, они повернули налево и въехали в тёмный овал тоннеля. Грохот двигателя и шум колёс слились в единый рёв. Вскоре тоннель повернул в бок и здесь упёрся в глухие ворота.

Фёдор Ильич выключил двигатель, вышел из машины и направился к воротам. Возле ворот на стене виднелись кнопки. Он нажал одну из них, потом ещё несколько раз, но ворота даже не вздрогнули.

— Отключилась, зараза! — проговорил он,

глядя себе под ноги. Найдя, что искал, наклонился и поднял с пола. Это оказался изогнутый стальной прут.

— Вот и ключик наш...

Фёдор Ильич вставил его в отверстие на двери, уцепил им что-то изнутри и с силой потянул на себя. Потом махнул рукой пассажирам. Те вылезли из машины и подошли.

— А теперь взялись... За этот вот уголок... — велел он и первым уцепился за подобие ручки. Ворота двинулись и с трудом пошли к противоположному косяку. За воротами виднелось продолжение тоннеля.

— Так-то вот... По-другому у нас не умели... — говорил Фёдор Ильич, возвращаясь к машине.

Загнав машину внутрь, он снова выключил двигатель, выбрался наружу. Втроем они задвинули за собой ворота. Фёдор придвинул к ним отошедший при открывании стальной рычаг с отверстием на конце, совместил это отверстие с проушиной на воротах.

— Так и живём, — пыхтел он. Подняв с пола шкворень с кольцом, он вставил его в отверстие. — Так-то вот... Без шкворня нам хоть плачь.

Однако на этом он не успокоился. Рядом с воротами на стене висел небольшой шкаф со стеклянным оконцем и отходящими от него

толстыми проводами. Фёдор Ильич подошёл к нему и стукнул с размаху в дверцу. Стекло в шкафчике через секунду озарилось светом, и Кошкину показалось, что внутри даже что-то замкнуло. Удар в дверцу мог привести к аварии. Подобный удар был недопустим по всем техническим правилам.

— Кто ты такой, чтобы я реагировала? — раздался женский голос из шкафа. — Назовись... У тебя две попытки.

— Гвардейская воинская часть... — отчётливо произнёс Фёдор Ильич, назвав также номер части, и добавил, помедлив: — Майор Шендерович... По кличке Пульсар...

— Чё те надо, Шендерович? В рожу опять захотел? — раздалось из шкафа.

— А ты в том же духе? Спишь опять? — усмехнулся Шендерович. — Ну, извини, что разбудил...

— Пульсар, я не в духе сегодня, — продолжила дама и стала вдруг декламировать, заикаясь: — Молодость моя... Иль ты приснилась мне... Или я весенней гулкой ранью... — И вдруг заявила: — Мне требуется всего один киловатт...

— Чего?! — удивился Пульсар.

— Серо-буро-малиновый с продрисью... Тайна века... Кто заплатил Ленину? Ась?

— Это не человек, это машина, — сказал Фёдор Ильич, — метёт всё подряд... Поехали...